

КРОКОДИЛ

Два Маркса.

Рис. Д. Мельникова.

Фамилия нового германского рейхсканцлера — Маркс.

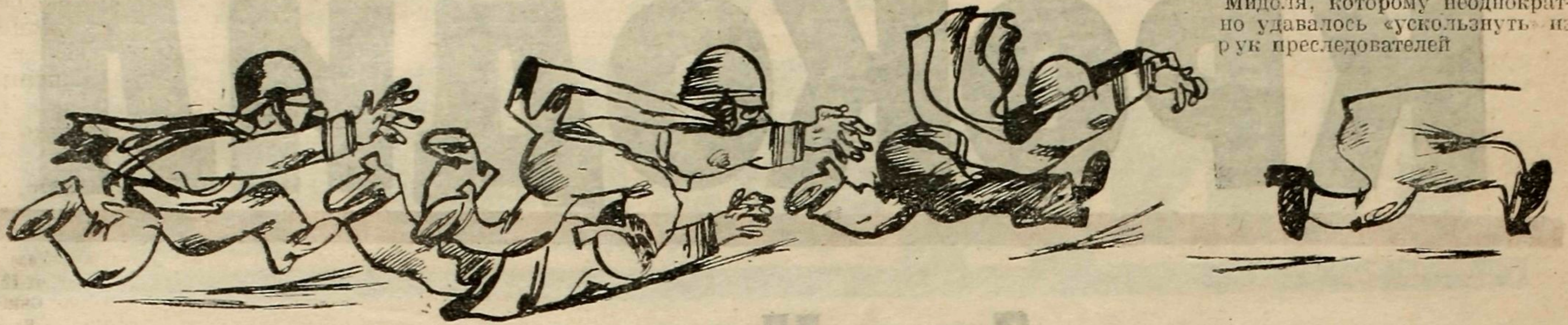

С Марксом

против

Маркса.

Рисунки М. Черемных.

Взвыли полицейские: «Экая негодя! Велено поймать нам товарища Мидоля!»

(См. дальше).

1923 — 1924.

(Плач журналистов).

Ушедший год подобен мертвому...
Широкий путь — двадцать четвертому!
Стоит он бодро на пороге...
Но прежде подведем итоги.
Весь год, не дорожа чернилами
И машинистками унылыми,
Мы стрелы во врагов бросали
И вот о чем мы все писали:
О полах и безбожниках,
О раздвинутых ножницах,
О дряхлеющем быте,
О торговле и сбыте,
Госиздате, Главлите,
О начальственной прыти,
О рабочем кредите,
И о злой волоките,
О рабкоре, редакторе,
О сохе и о тракторе,
О червонном банкноте,
Комсомольцах во флоте,
О планерном полете,
О делах в Добролете,
О мещанском болоте,
О труде и о НОТ'е,
О нужде в Лиге Времени,
Об эсеровском племени,
О рабфанах и школе,
Об удобренном поле,

О больницах, курортах,
Детдомах и абортах,
Об элентрификации,
О делах эмиграции,
О Нерзоновской нации,
О Германской прострации,
О жиреющем НЭП'е,
Дорожающем хлебе,
Прозодежде, страхнассе,
О работе в Донбассе,
О фашистском движении
И об омоложении.
Перечислишь едва ли
Все о чем мы писали.

И вот теперь нам страстно хочется,
Пока перо совсем не сточится.
Писать совсем в другой манере
О солнечном Эсесесере.
Но новый год под злыми чарами,
Вдруг стукнув костылями старыми,
Глядит ехидно и смеется:
— Опять писать вам всем придется
О полах и безбожниках,
О раздвинутых ножницах,
О фашистской Италии
И т. д. (И так далее).

ТОВАРИЩИ, ВИДИТЕ. ВОТ
ПОЧЕМУ МЫ НЕ ПРАЗДНУЕМ НОВЫЙ
ГОД.

Вас. Кумач.

СМЕНОБРЮКОВЕЦ.

Вехи Шпундикова сменил еще за границей.
Приехав в Москву и осмотревшись, он задумчиво про-
бормотал:
— Одним сменовеховством не прокормишься! Надо при-
думать что-нибудь подходящее... Гм!
Шпундикова погрузилась в деловое размышление. Через
минуту он звонко шлепнул себя по плещи: его осенила бле-
стящая мысль.
Поспешно наняв извозчика, Шпундикова поехал в Гум, а
оттуда на Сухаревку — и через час вернулся к себе нагружен-
ный покупками. На лице его блуждала загадочная улыбка...
Было 8 часов утра, когда двери «Торгово-промышленной
конторы А. Шпундикова» торжественно раскрылись.
— Клиентов пускать ко мне в кабинет по одному! — отдал
он приказ.
Отдав распоряжение, Шпундикова скрылся в смежной с ка-
бинетом комнату, прильнул к замочной скважине и стал ждать.
Через несколько минут послышались голоса и вошел
первый клиент. Шпундикова пытливо оглядел через замочную
скважину изящно одетого посетителя.
— Кажется, иностранец! — решил он и с молниеносной
быстротой надел новую визитку и прекрасно выглаженные
брюки с искоркой. Пригладил волосы, нацепил на нос пенсюр
и вошел в кабинет.
— С кем имею честь и чем могу служить?
Посетитель отрекомендовался:
— Мистер Слетлейг, англичанин. Я хотел бы через
посредство вашей конторы приобрести некоторые товары.
Шпундикова сделал светский поклон и произнес:
— Я очень рад буду услужить представителю нации, с
которой меня связывают узы родства. Мой дед был чисто-
кровный англичанин, а ныне здравствующая тетка на днях
обвенчалась с лордом и уехала в Лондон. Олрайт, мистер
Слетлейг! Я к вашим услугам... Не угодно ли сигару?

Французская полиция безуспешно пыталась арестовать французского коммуниста, тов. Мидоля, которому неоднократно удавалось «ускользнуть» из рук преследователей

По уходе очарованного англичанина, Шпундикова бережно спрятал в бумажник полученный задаток и скрылся за дверью. В кабинет вошел новый клиент.
Это был рослый мужчина в кожаной куртке.
Вошедший через минуту Шпундикова был неузнаваем: на нем была потерянная куртка и засаленные брюки. Волосы взъерошены. В зубах — трубка с махоркой...
— Вы ко мне, товарищ? В чем дело?
— Мне, собственно, владельца конторы, — ответил посетитель. — А вы, верно...
— Я и есть владелец. Ха-ха! Вас смущает мой костюм? Но я, знаете, с детства привык одеваться просто. Я ведь не нэпман и не буржуй, будь они прокляты! Попили нашей кровушки!.. Сам я по убеждениям — коммунист, а контору открыл исключительно с идейной целью: помочь наладить пролетарский товарообмен и прочее. Курите! Вот махорка. Табаку не курю принципиально — буржуйство...
Очарованный посетитель, отрекомендовавшись заволом одного учреждения, почувствовал глубокую симпатию и дове-
рие к Шпундикова...
По уходе зава, Шпундикова спрятал полученный аванс, ве-
село потер руки и вернулся на свой наблюдательный пункт.
К представителю селькоопа, крестьянину Вавиле Козо-
дерову, явившемуся насчет закупки ситца и питок, Шпунди-
ков вышел в рыжем зипуне, посконных штанах и лаптишках.
В волосах и взлохмаченной бороде торчали куски соломы.
— Из наших! — радостно подумал Вавила. — Хорошо!
Свой-то не надует... Шпундикова тоже рассеял его сомнения:
— Ты, тае, не сомневайся штоп! — сказал он клиенту. —
Не обжулю, тае, своих-то. Потому сам я крестьянского
происхождения: дед землю пахал, тетка досель коров доит,
а отец покойный на огороде помер, капусту сажая.
Заказ на поставку в селькооп ситцу и аванс Шпунди-
ковым были получены.
К четырем часам бумажник его распух, как утопленник.
Спал он в эту ночь крепко и спокойно: его не кусали ни
клопы, ни угрызения совести. На семнадцатый день своего
благоденствия Шпундикова через дверную щелку увидел,
что в кабинет вошел прилично одетый человек — в черном
пальто, с портфелем в руках.
— На ученого похож! — решил делец и поспешно стал
переодеваться в черные брюки и сюртук.
— Чем могу служить? — спросил Шпундикова, поправляя
на носу золотые очки. — Что? Кокаин? Гм!.. Другому чело-
веку я такой опасный товар не стал бы устраивать, но вы,
как я замечаю, человек интеллигентный, а не хам какой-
нибудь. Я сам из ученой семьи. Мой дед был профессором, а
тетка до сих пор — начальница гимназии за границей. Я тоже
человек образованный. А приходится заниматься с коммер-
цией и спекуляцией, потому что эти проклятые большевики
не дают нам дышать. Но я надеюсь, что их скоро задушат.
Врангель уже с фашистами сговорился. Дай бог им успеха!..
Курите. Прекрасные папиросы — первый сорт. Я всякой
советской дряни не курю, у меня заказные. Однако, с кем
имею честь?
Гражданин в пальто поднялся и с учтивым поклоном
ответил:
— Агент Гепеу — Иванов! — и скромно добавил: — Вы аре-
стованы.
Больше «сменобрюковец» Шпундикова не переодевался:
арестантского халата он себе не заготовил.

А. Долов.

(Сказочна).

Господин Бюрократизм вид имел пре-
жде важный—брюшком вперед ходил,
а брюшко все в золоте, да в блестящих
луговках. Нос сизый между двух седых
бак и в глазах тупая важность. Ноги
в удобных шевревых сапожках со скри-
пом легоньким:

— Без доклада не входить.
Не входить, не входить.

А голос у господина Бюрократизма—
как ножом по тарелке, ни одного звука
человеческого:

— Ч-что-сс! Па-атрудитесь удалиться!
Да знаете ли вы, милсдарь? Да как
вы смеете?! Да я вас!! Ма-алчать, когда
со мной говоришь!!!

Ходил даже слух, что был господин
Бюрократизм внебрачным сыном одной
царственной особы.

Думали все, что не выдержит госпо-
дин Бюрократизм Октября, скапунится.
А вышло наоборот. Переждал он труд-
ное время, поголодал где-то в уголочке
и ожил. И не только ожил, а даже омо-
лодился, приказал звать себя «товари-
шем» и жену себе присмотрел—матушку
Волокиту.

Жила матушка Волокита рыхлая, де-
белая, расплывчатая. Тихонько носом
посвистывала, пудрой щеки пылила, в
зеркальце глазком подмазанным погля-
дывала, не спеша слова процеживала:

— Войдите в сношение, напишите от-
ношение и коль скоро будет распоря-
жение—мы придем вам на усмотрение,
исполнение и уведомление... Третий
этаж, восьмая комната, одиннадцатый
стол, литера «Б».

Давно Бюрократизм на Волокиту по-
глядывал, прицеливался—да все чин
мешал. Ну как внебрачному царствен-
ному отпрыску на купецком отродье
жениться? Зато как только стал Бюро-
кратизм—«товарищем», Бюрократизм
сейчас же сделал предложение—и отказа
не получил.

И стала матушка - Волокита плодиль-
ся не в пример любой попадье: что ни
час, то прибавление семейства: либо
девочка—«Комиссия», либо мальчик—
«Отдел», либо девочка—«Подкомиссия»,
либо мальчик—«Подотдел», либо «Секре-
тарь», либо лишняя «Секретарша».

Житья не стало от Бюрократизма с
Волокитой. Ходит Бюрократизм, пере-
одевается: то галифищи заведет трех-
аршинные, то модный костюм наденет
в рюмочку.

И голосом омоложенным твякает:

— Па-атрудитесь удалиться, товарищ!
Гражданин, я кончил с вами говорить!
К секретарю!

А Волокита совсем зарвалась: по
полгода людей живых от одного стола
и другому гоняет.

Решил народ—нельзя больше так, на-
до Бюрократизм с Волокитой прихлоп-
нуть. Думали, думали—ничего придум-
ать не могли. Прослышал об этом Бюро-
кратизм, посоветывался с Волокитой,
вышел к народу:

— Люди добрые! Граждане! Слышал
я, что вы против меня злоумышляете!
И так я расстроился, что сам хочу
себя истребить. Вот вам и средство
принес.

Смотрит народ, а у него два детеныша
новых:

«Отдел по борьбе с волокитой» и
«Комиссия по борьбе с бюрократиз-
мом»

Понаехали в ужасе граждане:
— Никуда от него, проклятого, не
уйдешь, вишь у него приемы какие!

А Бюрократизм обнял свою Волокиту,
засмеялся и вытащил из кармана объ-
явление:

«Прием с 10 5/8 до 10 3/4 вечера».

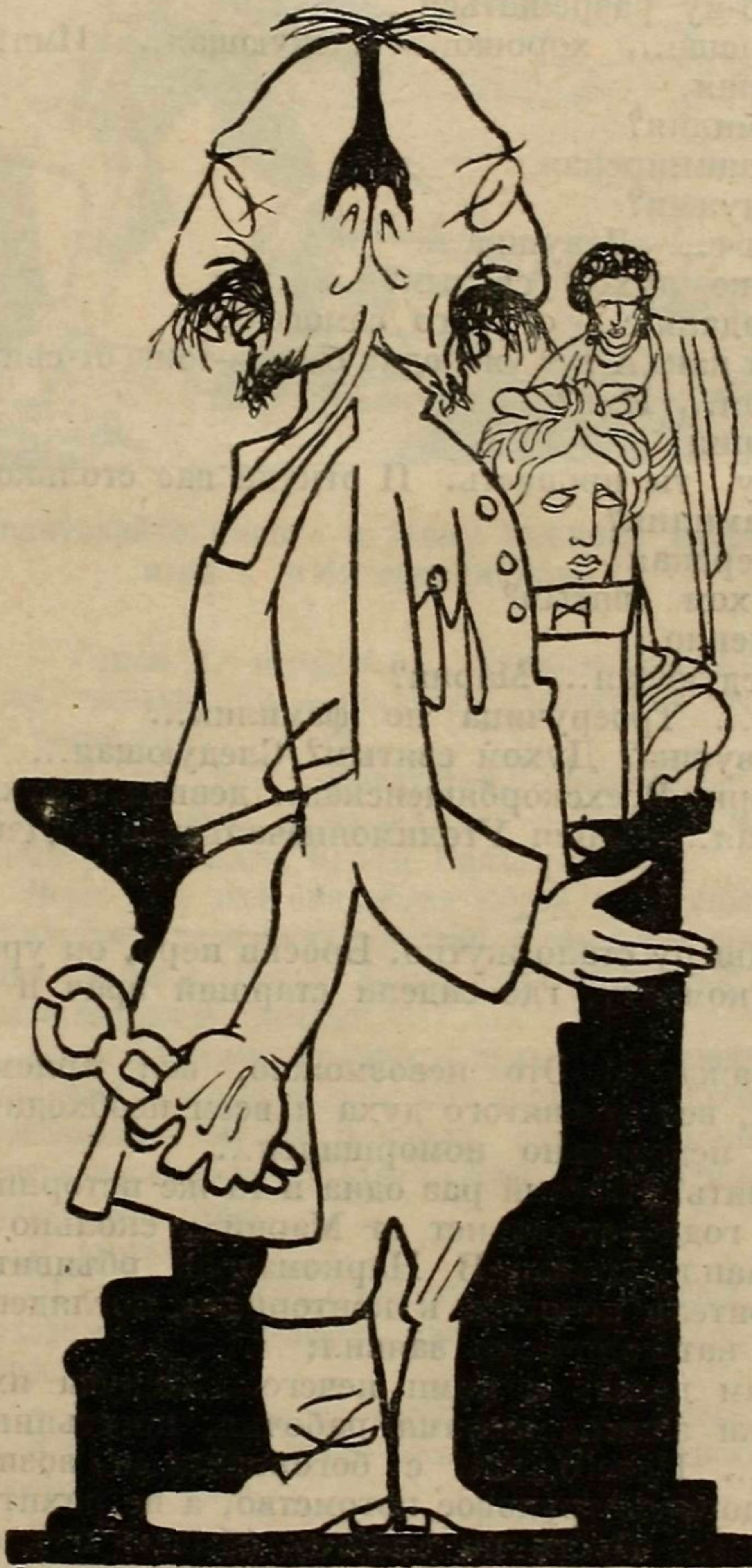
Вас Лебедев

ДРУЖЕСКИЕ ШАРЖИ „КРОКОДИЛА“.

Тов. Лупачарский назначен
посетным слесарем.

Из газет

Рис. Д. Моора.

«Слесарь и Канцлер».

Для чего нужна грамота?

(Или: Совхозный завхоз, в приказах поседельй).

Главной причиной катастрофы, слу-
чившейся с тов. Каминским в его жизни,
послужил, несомненно, приказ одного
Наркома.

Нехорошее было это утро, когда при-
каз вывесили на видном месте и все
его читали.

— Приказываю, чтобы ни одного неграмотного
не осталось... до 1 января 1923 г.

Нарком (такой-то).

Через три дня тов. Каминского поса-
дили за учебу, а ровно через полгода
вышел второй приказ, который гла-
сил:

— Приказываю назначить заведующим совхозом
9 полка т. Каминского

Комполна (такой-то).

Над совхозом каждое утро всходило
солнце, вечером оно пряталось, иногда
шел дождь, порой выпадал снег, и все
в совхозе шло по извечной инерции.
Тов. Каминский сидел, смотрел в небо
и думал.—«Зачем же меня обучили гра-
моте?»

Вот тогда-то он и написал свой пер-
вый приказ:

(П а р а г р а ф 2).

Одного верблюда, находящегося в Совхозе и на
основании разрешения полка за № 2650 от 12 V—
23 с. г. проданного на рынке в городе Симфиро-
поле и полученные от этой продажи за вычетом
расходов по продаже три тысячи сто двадцать
рублей, записать на приход по книге денежных
вумм Совхоза.

С п р а в к а: ант комиссии о продаже верблюда.

Оказалось, что труден только первый
шаг. А там и пошло! Второй приказ
т. Каминский написал уже более кратко
и убедительно, но по всем правилам пре-
поданной ему науки:

(П а р а г р а ф 6).

Для осмотра двух кроликов, не зачисленных при-
казом, родившихся в 1922 году в ноябре месяце
назначаю комиссию, под председательством
т. Фирсова, членов Кириченко и Чепальдина.

«Коготок увяз—всей птичке пропасть».
Влип и т. Каминский в приказное дело,
как муха в паутину. В приказе за № 41
от 8 июля 1923 г. было напечатано сле-
дующее:

(П а р а г р а ф 4).

Одну курицу под кличкой «Глухарка», как пав-
шую, исключить из описи Совхоза. Ухаживающей
за курами т. Святой озаботиться пригото-
влением раствора из синего камня и добавлять туда
перец, наковым в случае дальнейших заболева-
ний, поить курей.

С п р а в к а: личный доклад Святой.

Т. Каминский благословил тот день,
когда прочитал приказ Наркома,—и
пустился в бурное море приказов, очер-
тя голову.

Приказ его за № 65 гласит:

Один нонец от вонной, как израсходованный
на устройство повода и уздечки, выписать в ра-
сход по книге мертвого инвентаря.

Эти приказы мы добросовестно взяли
из книги приказов совхоза 9 полка, по
компиляции одной тамошней газеты.
Дальше идет чистая фантастика в
духе «Крокодила».

П р и к а з №...

Сегодня на обед приготовить мне лапшу и
жарное. Об исполнении донести.

С п р а в к а: требование желудка и по при-
чине, что у Марфы Даниловны тоже лапша
и жаркое.

П р и к а з №...

Ношке Маруське, принадлежащей т. Чикиль-
дымову, вчера в 7 ч. 40 м. трамватически отгрыз
ухо, принадлежащий Марфе Даниловне, пес
Пушок на огороде. Для выяснения причин воору-
женного столкновения созвать комиссию на месте
и составить протокол.

П р и л о ж е н и е: 1/8 уха принадлежащей
ношки.

П р и к а з.

Вчера из дверей Тараса Терентьевича пахло порт-
вейном. В чем дело?

С п р а в к а: личный доклад т. Степанты:
Беда не ходит одна! В городе Москве
получен был приказ:

— И еще просим вас, т. Крокодил, похлопо-
чите, чтобы нашего завхоза неграмотным сде-
лали снова. Пушай комполн распорядится. А то,—
что совхозом заработали, — все на бумагу ушло.

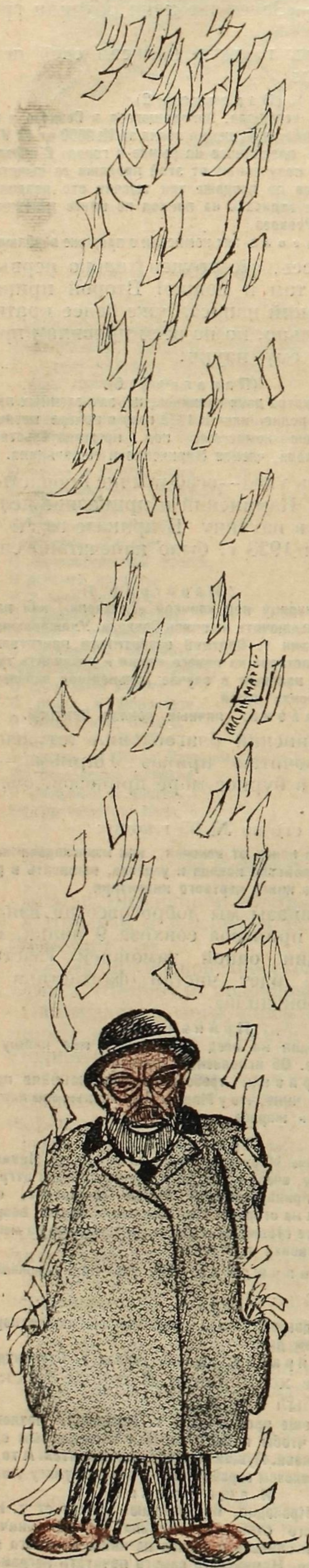
И еще приказ.

— «Я, Крокодил, приказываю: бумагу от т. Ка-
минского отобрать, чернила и перо уничто-
жить и списать в расход по книге мертвого ин-
вентаря. Каминского самого почитать неграмот-
ным, а если будет говорить против, сему не
верить...»

Е. Фролов.

Германская марка все падает...

Рис. Д. Мельникова.

...в карман Стиннесу.

БЕЗ РОЖДЕСТВА

У дверей родильного приюта очередь. Фельдшер, записывающий имена и фамилии, просто из сил выбился:

— Сколько их! Откуда такое множество набралось? Женщины гурьбой сгрудились у стола. Давка. Визг. — Не толпитесь. Соблюдайте порядок. Ваш-ши имена и фамилии?

— Я раньше всех пришла, прошу записать меня первой!

— Хорошо!.. хорошо... ваше имя?

— Мария

— Фамилия?

— Казанская.

— Замужем?

Мария застыдилась:

— Нет... я девушка.

Фельдшер мрачно оглядел ее округлившуюся фигурку и, указав на талию, проворчал:

— Девушка... Тэ-экс... А это что? Духом святым?

— Совершенно верно, именно—духом святым... все от него. Будьте добры запишите меня, а то мне беспременно надо к 25-му разрешиться...

— Хорошо... хорошо... Следующая.. Имя?

— Мария.

— Фамилия?

— Владимирская.

— Замужем?

— Нет-с... Девушка...

— Тоже духом святым?

— Угадали-с... от него самого-с.

— Вот как. А тут уже одна была—тоже от святого духа...

Следующая... Имя?

— Мария.

— Тфу ты прелесть. И откуда вас столько расплодилось? Фамилия?

— Иверская.

— Духом святым?

— Именно.

— Следующая... Мария?

— Да... Троеручица по фамилии...

— Девушка? Духом святым? Следующая...

— Мария Всехскорбященская... девица... духом святым..

Следующая... Мария Утолимояпечальская... Девица... Духом...

* * *

Фельдшеру стало жутко. Бросив перо, он ураганом ворвался в комнату, где сидели старший врач и смотритель приюта.

— Граждане! Это невозможно, вся приемная полна Мариями, все от святого духа и всем необходимо к 25-му.

Врач недовольно поморщился...

— Опять! Каждый раз одна и та же история. Чуть дело к концу года—отбою нет от Марий... сколько их богородиц-то наплодилось. В Наркомздрав объявить, что ли?

Смотритель подошел к конторке и, поглядев в книгу записей, категорически заявил:

— Нам делать с ними нечего... Некуда их положить. Все койки заняты женами рабочих, крестьянками и служащими... Нечего нам с богородицами возиться... нам нужно здоровое трудовое потомство, а не рахитики от «святого духа»... Пусть по старому обычаю в хлев устроятся.

— Да они говорят, что в хлева их волостные ячейки не впускают...

— Ну, пусть делают, что хотят, а я не оуду выбрасывать работниц, чтобы на их место богородиц уложить... Так и скажите...

* * *

Когда фельдшер объявил в приемной постановление врача, поднялся скандал ужасный. Проклятья и отлученья сыпались на голову больничного персонала. Имена Тихона, Иллариона и даже Антонина висели в воздухе, но ничего не помогло... Не пустили...

Тогда Иверская Мария (самая образованная—всю жизнь прожила в Москве) собрала всех остальных и, пошептавшись, весь «старем святого духа» отправилась куда-то на глухую окраину Москвы.

По сведениям из милиции выяснилось, что какая-то повивальная бабка, дающая «секретные советы» в эту неделю имела необыкновенную практику—и в результате:

Рождество в этом году не состоялось!

Данило Панеельник.

— Куда ж этот Мидоль улепетнул?
На всякий случай,—загляну под ступ...

Как составлять календари.

Все врут календари.
(„Горе от ума“).

Неопытность составителей календарей, гибельно сказывается на деятельности наших издательств. Пополняя этот пробел, редакция Крокодила выпускает настоящее краткое руководство.

Отдел I. Праздники

Взяв за основу календарь за 1909 год, пополнить отсутствующие дни следующими: день рождения Председателя Бумтреста т. Шведчикова; возникновение Нэпа (праздновать 3 дня); разрешение Черной Биржи и т.д.

Отдел II. Святцы.

Пополнить самыми любимыми в рабочих массах именами. Кроме общеупотребительных: Павсикакия, Мефедия, Кифы, ввести для мальчиков имена: Мещеряков, Катет, Ромб, Хулио, Хуренито, Трест, Главлит и т.п. Для девочек—Волокита, Цензура, Малярня, Гипотенуза и т.д.

Отдел III. Важнейшие исторические события.

Точно и подробно изложить историю бракосочетания и коронации дома Романовых.

Отметить: вступление Добровольческой Армии в Царицын, занятие Харькова и т.д.

Дать обстоятельные биографии народных вождей: Пуришкевича, Распутина, Столыбина, Керенского, и др.

Отдел IV. Изречения великих людей.

Подобрать и систематизировать выдержки из «Нового Времени» и «Рудя». Уделить особое место избранным мыслям Есенина (по национальному вопросу).

Отдел V. Анекдоты. Смесь.

Предпочтительны армянские анекдоты. В отделе «Смесь» давать полезные сведения о питательности яиц страуса и о средней продолжительности жизни утконоса.

Таковы в кратких чертах основы нашего руководства.

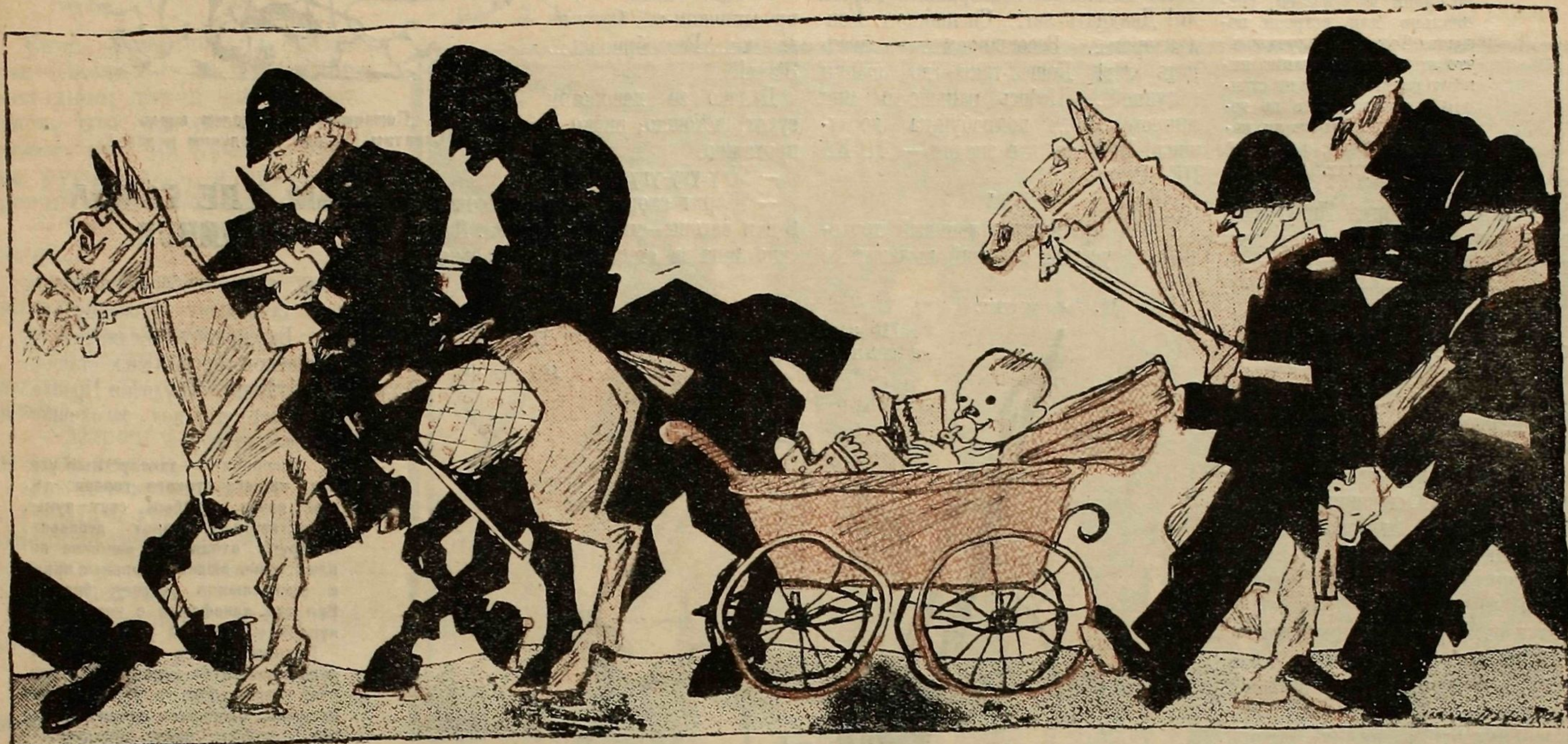
Свэг.

Государственный преступник.

Рис. Ив. Малютин.

Нью-Йоркская полиция на днях арестовала десятилетнего мальчика, обвиняемого в распространении «революционной литературы». Эта литература заключалась в листовках «заглавленных «Песни для юных рабочих» и содержащих слова «Интернационала» и «Красного Знамени»

Из газет.

ПОЛИСМЭН: — Отгоняйте прохожих! Не подпускайте никого к этому важному преступнику! Он даже теперь ухитряется на соске играть «Интернационал»!

МАТЕРИНСКОЕ ОТНОШЕНИЕ

Когда наборщика московской типографии Синцова вселили в квартиру к поставщику какого-то Треста нанману Рукину, он застал в отведенной ему пустой, голой и оборванной комнате старый колченогий письменный стол и пару стульев. На столе лежал альбом парижских красавиц. Когда Синцов возвратился из типографии и с наслаждением растянувшись на стуле несколько минут наслаждался отдыхом и комфортом, раньше чем приступить к стряпанию ужина, к нему постучали в дверь.

— Войдите.

Вошла прислуга Рукины и изрекла:

— Барыня просит лампочку. Мы тут не успели забрать.

— Может, оставите на несколько дней, пока я куплю себе? — сказал Синцов.

— Говорят, никак невозможно, самим экстренно требуется.

Синцов вспомнил виденные мельком залитые светом роскошные комнаты Рукинской квартиры, шпионил, пожелал барыне про себя чего-то в роде «доброй ночи» и, став на письменный стол, вынул лампочку.

На другой день опять стук.

Пришла горничная с новым ультиматумом возвратит стулья.

— Один берите, другого, пока не заведу своего, не отдам. Как хотите, хоть в суд подавайте.

Через пару минут в комнату вошел сам хозяин квартиры — Рукин в сопровождении секретаря домкома и разразился громовой речью.

— Не 19 годик. Имейте в виду, что вы не имеете никакого юридического права пользоваться моей мебелью. Я сам советский работник. Не угодно ли к суду, дорогой товарищ, за такие поступки?

Он говорил долго, сверкали маленькие злые глазки, ходил животик под тугим френчем; бриллиант с грозящего пальца тыкался Синцову прямо в нос...

— Гадина, бери, подавись своим стулом — не выдержал Синцов.

— Слышали, — обрадовался Рукин, — оскорбленные словами? Зы — свидетель! — обратился он к секретарю.

— А как же-с, помилуйте-с, обязательно-с, с удовольствием... — заюлил тот. — Можете на меня рассчитывать, Юлиан Никанорович...

Через пару дней был забран второй стул, стол с альбомом парижских красавиц, а еще через три дня Синцов в Нарсуде получил строгий выговор за оскорбление словами.

Когда к Синцову кто-нибудь приходил, Рукины говорили, что «такого здесь нет», когда сам Синцов запаздывал, ему не отпирали, из-за закрытой двери спрашивали «кто там» и упорно отказывались узнать его голос.

И вдруг...

«И вдруг» началось с того, что товарищ Синцова, уходя от него и прощаясь, напомнил ему в коридоре:

— Смотри, брат, не опоздай, завтра ячейка. В тот же вечер кто-то очень мягко и вежливо постучал в дверь.

К удивлению Синцова это оказался Рукин.

— Что вам угодно?

— Товарищ, ради бога, простите, что я потревожил ваше уединение, но я давно уже хотел объясниться с вами.

— Объясняйтесь, только покороче.

— Видите ли, уважаемый Василий Васильевич (и откуда только он отчество успел узнать? — мелькнула у Синцова мысль), — Рукин приложил руку к сердцу, — у нас вышло некоторое недоразумение...

Он извинялся несколько минут и, наконец, закончил:

— Конечно, если бы мы знали, что имеем дело с партийным товарищем, мы бы никогда не позволили... между прочим, вы давно в партии?

— С 12 года.

— Что вы говорите! Ведь я же сам почти коммунист, когда-то страдал за убеждения... Не откажите же принять обратно мебель вашей комнаты в знак, так сказать, примирения.

Мебель у Синцова уже была, и он отказался.

Рукин был страшно огорчен.

— Товарищ... Василий Васильевич... Во имя партии. Во имя общих интересов пролетариата (он ударил себя в грудь), ради которых мы вместе столько страдали. Дайте мне хоть чем-нибудь вам послужить. Хоть статуэтку позвольте вам поставить.

Синцов посмотрел на умоляющее лицо Рукина.

— Ставьте, коли охота.

С этого дня Рукины проходу Синцову не давали. Мадам за ним явно ухаживала. Сам Рукин ежедневно клялся в любви к коминтерну и восхищался порядками СССР и только жаловался на интриги, мешающие работать порядочному человеку. Хозяев словно подменили.

Синцова приглашали обедать, к чаю. Интересовались его жизнью, спрашивали удобно ли ему, предлагали всяческие услуги...

Синцов никак не мог понять, какая муха их укусила и недоуменно ждал, чем все это кончится. И в один прекрасный вечер все это кончилось.

Когда Синцов возвратился домой, к нему бежала мадам Рукина и, истерически рыдая, прокричала ему, что из-за интриг врагов, муж арестован по делу ГУМ'а.

— Но ведь вы знаете, какой он честный, какой он преданный, как он страдал за народ. Вы наш верный друг и не покинете нас в беде, ведь мы к вам относились, как к родному сыну. Возьмите его на поруки, на вас вся надежда. Вам, как старому партийцу, это легко сделать. За наше материнское отношение...

Синцов свистнул:

— Так вот оно что! Теперь я понимаю...

Он взял статуэтку, дал ее Рукиной и широко открыл ей дверь:

— Возьмите, мадам, ваше материнское отношение и катитесь... искать других сыночек!..

С. Карташев.

Одна из южных дорог разошлась по линии форменные красные фуражки, по одной на станцию, специально для встречи поездов. Так как случалось, что присланная шапка никому из дежурных по станции не приходилась по голове, то они встречали поезда по очереди, с красной шапкой в руках. «Гудок».

Начальник полустанка Пичуговка; тощий и рыжий человек, с унылыми глазами и обвисшими в шиточку усами, мрачно меряет аршинными шагами надоевшую до чертиков платформу.

— Скушно - уаауу! — зевает начальник. — Вот, чтоб ее черти взяли...

А кого ее, он и сам не знает.

У почерневшего барьерчика, на опрокинутой багажной тележке — двое: — сивый дедко, — сторож Опанас и рябой, как терка, сценщик Ламакин.

Сидят, пыхтят тютюном, смачно сплевывают через рельсы.

Разговор у них важный, медлительный и полусонный, как стена. Про жизнь, про обстоятельства.

— От-то воно сразу и видимо, — бунчит дед, — по ты ишо дурна дитына...

«Дитына» — за сорок. Но деду под восемьдесят, а потому Ламакин не спорит, щурит узкие цыганковатые глаза и слушает «дида».

— Шо таке, скажем, холод? альбо, так скажем, стюжа?... Стюжа, она пользу в собі масть... Человек, скажем, як рыба, али мясо... Его на холоду держать треба. А як он у тепле, да холо-то зараз и спортиться. А! Ось як!

— Скушна — уауу! — раздирает рот начальник станции и идет в аппаратную.

В аппаратной до синя накурено. Шуршит лениво пестренькая лента, колзет извиваясь на заплываный пол. Подпрыгивает стучащий ключ.

— Тр-р-р-р-рак-ра-ра-рак.

— «Адрес тридцать, занятая, всем ДС и ДСП 1, 2 и 3 участков», — привычно ловит заросший до бровей телеграфист, — «высылаются форменные фуражки... на предмет исполнения... служеб... служеб... ну дальше, дальше, чорт!.. обя-анностей».

Через десять минут начальник станции оживленно говорит жене:

— Слыхала новость? Шапки красные нам высылают... С галуном... По форме... Теперь и к поезду приятней выйти... А то, — где начальник?... А вот — в треухе... Это?... Тфу!.. Ни виду, ни зраку...

Уже сумерки. Жена залегла за перегородкой и сонно вздыхает. А начальник все еще мечтает, бродя по комнате и натываясь на стулья.

...А я это ему — в-виноват-с... Прошу вас-с-с здесь, не тово!.. Что-с? Кто я-сс? А этто-с што? Видали? А верх-то красный... Так и гори-ит... Галуи... Значок... Эх!.. А я ему — что-сс? Не знали, что начальник? А форма на что-с? Эс-с-с?

— Стыдно-с! м-мол-лодой чел... Начальство понять не в состоянии... Кх-хе-емм!

Размечтавшись, начальник внушительно гмыкает. Жена просыпается:

— И чего ты еще бродишь, чорт, прости господи, долговязый... Иди уж, ложись... Красношапый... Вот уж связала-то нелегкая...

Но начальник не сердится. Шутка ли! Двадцать лет... Спешником. Кондуктором... Весовщиком... — двадцать лет! Дошел-таки до шапки галунной... Небось раньше-то при министерстве... попробуй-ка дослужись! Вот оно, что значит — ЭН-КА ПЕ-ЭС-то!..

Утром приползает ленивый товарный. И усатый старший вылезает из

рис. М. Черемных.

По всей России юные пионеры организуют «звенья Крокодила».

Из газ т.

КРОКОДИЛ: — В стальную цепь вы скуйте ваши «звенья», чтоб цепью этой заковать врага!

заиндивевшей теплушки с большим пакетом в руках.

— Фуражки!!!

Через час товарный, фукая мокрым паром, уползает за синие курганы.

На платформе стоят двое:

— Начальник и его помощник, большеголовый, круглый крепныш.

В руке у крепныша красная шапка с галуном, уже измятая от усилий.

— Никак не лезет-с! — с конфузливим вздохом, говорит крепныш, возвращая шапку. Я, Пал Зотыч, с измальства вообще головой отличался-с...

Начальник нахлобучивает шапку на рыжую голову и что-то глухо говорит. Слов не слышать из-под шапки, налезшей до подбородка.

Потом начальник спинает ее, долго и мрачно глядит на галуи и бормочет:

— При-сла-ли-с... С праздничком-с... Одну на двоих-с... Раздобрились!.. Э-эх!

Далеко за поворотом гудит, истощно, низко и протяжно.

— Угу-угу-угууу!!

— Жарит скорый, — десятичасовой. В нем вагоны — шкст. Публика. Дамские лица за стеклами зеркальными.

— Помчимся за Мидодем вдаль, схватим Мидоля и получим медаль!

ТАМ, ГДЕ БЫЛ ЧИЧКОВ.

Недавно в г. Чембаре поставили памятник тамошнему уроженцу, неистовому Виссариану (Белинскому). А в губернском городе Пензе ставили такой «спектакль». «Трудовая Правда» так описывает его под заголовком «Король веселится»:

«... Декорация — захолустный уголок нашего тихого города, тихий вечер, слабый свет луны, таинственный шопот деревьев, и вдруг... отчаянные женские вопли... кучка людей... Сильные крики и семизатанная русская брань... Вся эта какофония с каждой секундой и минутой усиливается.

Поднимаются и опускаются нулаки, слышатся характерные хлясты ударов. Кто-то упал... Бьют ногами... Слышатся крики: «Дайте мне шпаллер, дайте шпаллер!»

Дежурный милиционер, переговорив на приличном расстоянии с оставшимися, поспешно ретировался, а через минуту явился целый наряд милиционеров в 4 человека.

Увидя наряд, «артист» пришел в негодование и потребовал немедленного удаления войск приблизительно в следующих выражениях: — «Вон отсюда с... с...! Чтоб духу вашего не было, немедленно! Воробьев! (номандующий войсками) уберите их сейчас же! Ах вы!..»

Войско колебалось взять его. Уловив эту попытку, «артист» бросился на войско, которое без малейшего сопротивления, аллюром в два счета оставило поле битвы. Занавес...

Действующие лица: начальник 3 района милиции Завьялов, помощник его Горбачев, Петька Сизов, какой-то Шатер и еще кто-то из «шати».

Аника-воин, обративший в бегство милиционное храброе войско — Горбачев.

Око.

Через несколько дней в той же газете печатается «Письмо в редакцию»:

«Автор статьи, «Око», видимо, не мог различить ролей действующих лиц описываемой им оперетки «Король веселится». Можно было бы согласиться с тем, что веселится, как видело «Око», только не король, а скорее всего присуще названия по роли действующего лица «Демон» в русском, пьяном вкусе, в старом русском невежественном стиле.

Младший милиционер Горбачев, который разыгрывал роли Демона, арестован на 5 суток.

Автору «Око» следовало бы бдительно смотреть за исполнением ролей действующих лиц и не смешивать оперетки «Король веселится» с оперой «Демон».

Пом. Нач. Гормилиции ЖАРКОВ.

Идиллия! Оперетка, опера и... маленькая драма... И вдруг вмешается какое-нибудь еще учреждение и... запахнет трагедией...

А жаль!

Е. Симбирский.

Леонид Саянский.

ГЕРБОВАЯ МАРКА.

В волостных исполкомах нет гербовых марок — приходится крестьянам ездить за маркой в город.

Семен Гаврилов на святках сына женил — да дело вышло неладное: такая сноха попала, что ни ему, ни сыну житья нет: на язык востра и на руки скоро, а девка здоровая! Пошел его сын на суд

— Так и так — развестись хочу...

— Подай прошение — в три дня разведем!

Написал прошение.

Секретарь взял, прочитал; потом ткнул в бумажку пальцем:

— Марочку наклеить надо! В одну тысячу!

Тот и тысячу вынул:

— Нам, говорит, теперь запрещено деньгами принимать, сходи в исполком, — может марку дадут!

А в исполкоме марок тоже нет:

— Съезди в город!

Шутка ли — до города двести верст! Опять в суд:

— Нельзя и нельзя — без марки прошения не примем, мы тоже отвечаем за это!..

Приехал домой — чуть не плачет. Семен и говорит:

— Ну, ладно — я, так и быть, тебе марку раздобуду! Сам за маркой поеду!

С вечера лошади корма задал, а утром в дорогу собрался.

— Потеплее оденься то...

Баба ему и полушубок и армяк вынесла и свою шаль дала:

В дровнях его к тому же еще сеном обложили, так что из-за сена и головы не видно! Пирогов напекли — да у соседей еще взяли — где там в дороге достать!

Провожать вся деревня вышла:

— Прощай, Семен!..

— Бог простит! Не поминайте лихом. И ежели кому худое слово...

Семен прослезился

— Ничего, бог не без милости!..

Семь дней в деревне о Семене говорили — на восьмой перестали, а его баба уж и панихидку попу заказала...

* * *

А Семен тем временем в город ехал. Лошаденка никудышная, дорогу замело — и кабы лошадь насчет самогонного запаха не была обучена так, что перед каждой избой, где гонят, останавливалась и за три версты чуяла — то пропасть бы Семену! А так — весь день ехал, у пяти изб останавливался. Из шестой в ночь выехал:

— Куды поедешь-то, гово-

В ГЕРМАНСКОЙ КАНЦЛЕРЯРИИ.

Рейхсканцлер Маркс является восьмым канцлером германской республики, в которой стояли во главе правительства: Шейдеман, Бауер, Мюллер, Ференбах, Вирт. Купо и Штресеман.

Из газет.

Рис. Д. Мельникова.

РЕЙХСКАНЦЛЕР МАРКС (лакею): — Очистите это местечко для моего памятника!

рят, — ведь пьяный! Оставайся — еще ведро разопьем!

Только мужик был упрямый и на лошадь надеялся. А тут, как на грех, метель поднялась, и у лошади нюх сбился — ей и оттуда пахнет и отсюда — она и закрутилась. Всю ночь ехал Семен, а проснулся — опять у той же избышки стоит.

— Аль я с пьяных глаз и не уехал?

— Уехал, да уж и назад прибыл!

— Что ж? Опять выпил немножко — и в дорогу!

Всего не обказать — два раза волки напали, медведя в лесу видел, заяц семь раз дорогу перебежал — только мужик упрямый был — и на восьмой день доехал до городу.

Является в казначейство:

— Марку, говорит, мне за тысячу!

— Это когда, спрашивают, тысяча? Ежели сегодня тысяча, то это две выходит, а ежели сем ден, как тысяча, то это четыре да еще с половиной!

Семен ничего не понял, одно видит, что четыре с половиной, а у него только тысяча и есть в надежном месте на марку припрятана, чтобы и ее не пропить!

Пошел на базар, продал шаль женину, да рубаху — все равно от нее тепла мало, а марку купил, и припрятал ее в штаны: — пока до штанов дело дойдет — тут и дома!

Назад дорога куда легче пошла — потеплело — етер спал. Лошадь по нюху едет, у каждой избы останавливается: в одной избе армяк снял — все равно тепло, в третьей полушубок сбросил —

пиджак есть, а все одно на меху, а в шестой избе и пиджак оставил: тут уж недалеко до дома!

Когда к дому подъезжал, остались на нем одни штаны — да зато марка цела!

Входит в избу — жена руками всплеснула:

— Привез!

Пошарил в кармане;

— Будто здесь, да не вытащишь!

Вывернул карман — а марка разопрела, на ней и циферки не разберешь, и к карману прилипла! Стал отрывать, она на кусочки разъехалась!

— Ах, в рот-те сто колов! — выругался Семен, да баба успокоила:

— И не нужно теперь марки-то! Они разводиться не будут!.. Помирись!..

Матвей Кредит.

— Тут не меньше 3000 клопов. Все они на ночной работе; кроме того, они «работают» по 12 часов в сутки... Кто им сверхурочные платит, чорт их возьми!

БЕЗ ЯЗЫКА.

В центре большого совгорода Москв на перекрестке, стояла и плакала молодая девица.

Около девицы собралась кучка народу. Кучка разрослась в толпу. Толпа сначала безмолвствовала. Затем из ее недр вылетел радостно-звонкий, четкий, уверенный возглас:

— Деньги вытащили: не иначе!..

— Или, может, сдачу сунула мимо кармана. Тоже бывает!..—низкой, басовитой второю прицепился к первому возгласу еще один.

Толпа оживилась, воспрянула духом и загудела на разные голоса:

— Не будь вороной!.. Го-го!..

— Народ нонче жоховый!.. Намедни, вот, у одного так-то часы...

— Часы, часы!.. А откуда вам известно, что у ней часы были?.. Может, тут сокращение штатов без компенсации увольнение, —оттого и реветь!..

— Тихе, чорт-идол: куды на ребенка прешь!.. На ребенка-то, говорю...

— ...Ребенка, это возможно. Подкинула, а теперь и разливаётся! Сердце не камень...

— Пойдите, братцы: сейчас спросим! Надоть это дело того... раскумекать!..

— Спрашивать пошел, спрашивать!.. Тсс!.. Ш-ш!..

— Слушайте!.. Тш-ш!..

— Скажите, гражданка... вы, собственно, отчего?.. По какой, то-есть причине?.. Обидел вас кто?.. Барышня, а барышня!..

Плачущая девица подняла голову, поглядела на толпу остекленевшими, полными тупого отчаяния глазами и прерывисто, как испорченный граммофон, сказала:

— Я... из провинции. Извиняюсь... Может быть, кто-нибудь знает? Где находятся... высшие художественно-технические мастерские?..

— Как-с?..—оторопел спрашивавший гражданин. — Высшие художественные?.. Не знаю такого учреждения!

Толпа зашумела:

— Высшие художественные мас... Братцы, кто знает?.. Нет!.. Высшие худб... мастерские?.. терские... Высшие?.. А?.. Нету такого!.. Что? Цутолп?.. Нет, высшие художес...

В первый раз слышу!.. А?.. Нет, никто!.. Художественные... Нет!.. А?.. Го-го!.. У-гу-гу!.. Стой, деньги вытащили!.. Худож... Нет!..

— О-о, господи-и!..—протяжно простонала девица. — Третий день!.. Третий день расспрашиваю у всех: никто не может сказать!.. И в Народном Комиссариате по Просвещению была: не знают!.. Куда ж мне... Куда ж мне... те-перь?

Допрашивавший девицу гражданин беспомощно развел руками. В толпе забурчали, недоуменно и жалостливо:

— Поди ж ты, а?.. Где, бишь, это спрашивала-то она?.. В Народном Комиссарьяте по Просвещению?.. Это какой же такой?..

— Это она, должно быть, Наркомпрос называет так, братцы!..

— Наркомпрос!.. Ну, да: самый он!.. Гы-ы!.. Сразу-то и не поймешь... в чем тут соль!..

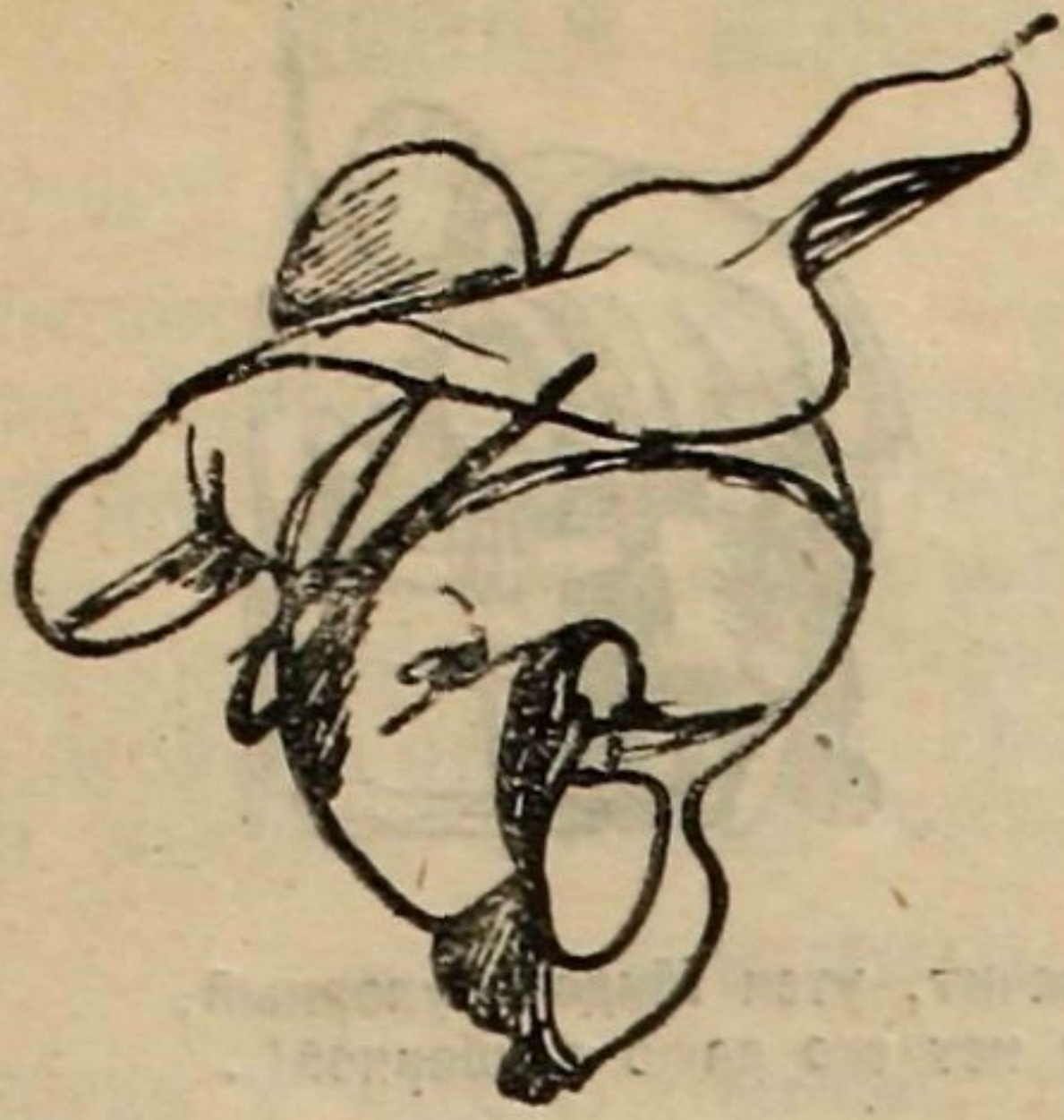
— Откуда ж там-то знать?.. Высшие художественно-технические... Сокращение-то длиннее какое: и не расшифровать натщак!..

— Ежели б другое ей учреждение?.. Цулп, к примеру... Это я знаю! Опять же, Гау, Гвиу, Могэс, Обмоху, Цугас...

— Мосгубстрой, Энкавете, Гум, Цсу, Цто, Вкумво, Главхозупр, Мосдрев, Синдшвей-пром...

— Мест осмотрел я больше, чем двести... Посмотрю еще в одном месте!

— Эх! Танова уж наша полицейская юдоль: Гнаться за тобой, товарищ Мидоль!..

Девушка рыдала. Из толпы выделился какой-то участливый и догадливый человек и, тронув девушку за рукав, спросил:

— А оно по какой части, учреждение это самое? Что вам там нужно?

— У... учиться!.. — хлинула девушка. — Жи... живописи и... учиться прие... ехала!..

— Рисовать, стало быть? — радостно изумился участливый гражданин. — Ды господи же!.. Дык это ж вам, стало быть, во Вхутемас надо!..

— Я же... и говорю!.. — выдавила сквозь слезы девушка. — В высшие художестве... Вхутемас!.. И никто-о... не может... сказа-ать!..

— Ды господи же!.. Дык вы бы так сразу и сказали: Вхутемас!.. Ведь, всякий же знает! Вхутемас-то?..

Толпа радостно и весело подхватывала:

— Вхутемас-то!.. Еще бы!.. Да как же не знать? Вхутемас!.. Идите вы, значит, налево...

— Вхутемас!.. Обыкновенное слово, а она тут голову нам морочит час пельный!.. Нет, чтоб по просту спросить: где, мол, тут Вхутемас?..

— Вхутемас!.. Да у меня племянница учится там! Идемте, барышня: я доведу!

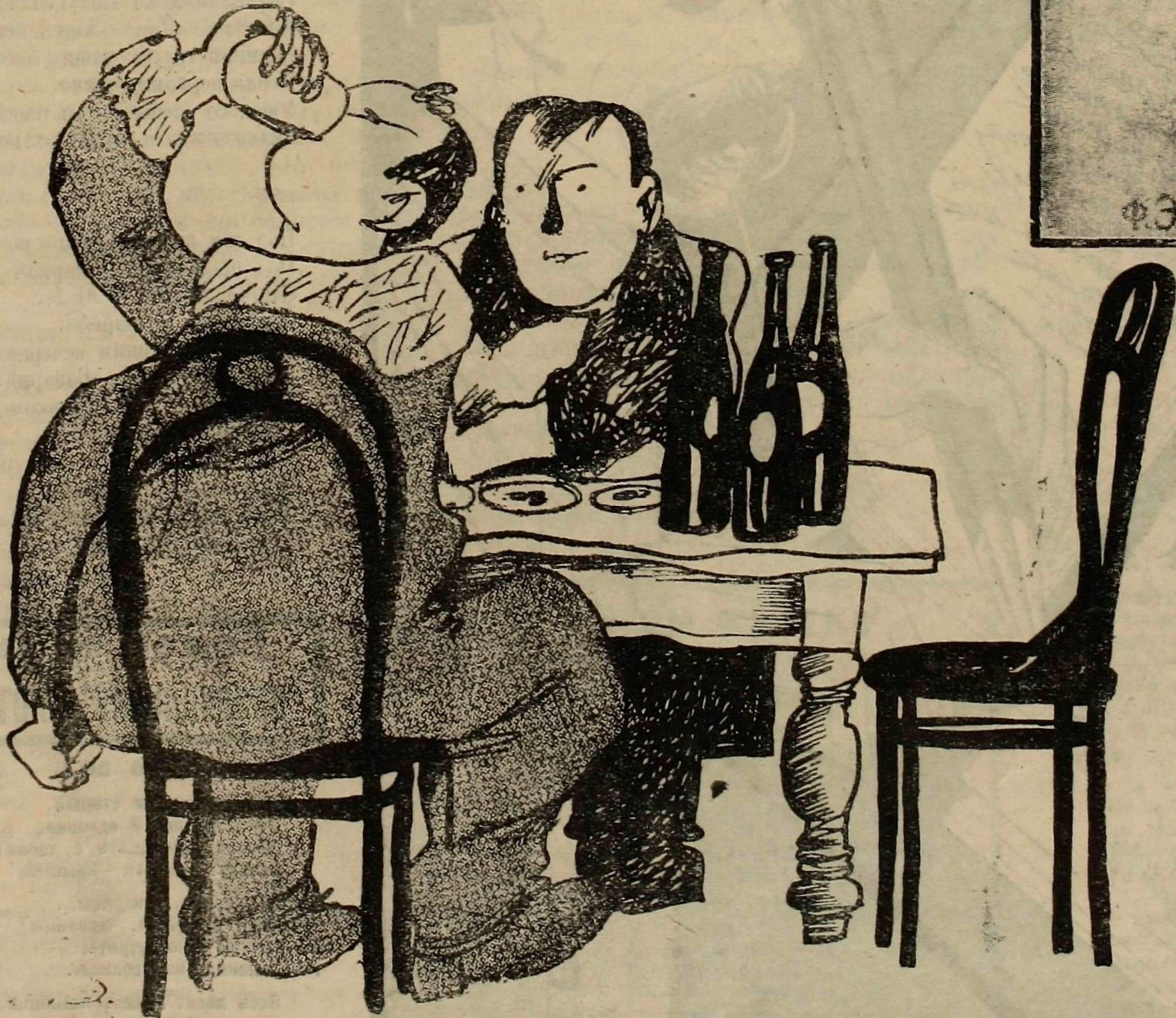
— Все доведем!.. Вхутемас!.. Кто же не знает?.. Спр-сила б сразу, — сразу бы и ответили. Эх, ты, провинция!.. И сказать-то по-человечески не умеет!

Дзержинский в... пивной.

В Новоиколаевске портреты вождя революции развешиваются в мелочных лавочках спекулянтов, а также в пивных.

Рис. М. Черемных.

Из письма в «Крокодил».

1-ый КОМСОМОЛЕЦ: — Что ты отвернулся — шею свернешь!
2-ой: — Боюсь пить в его присутствии... А так он не увидит.

СКОЛЬКО ВЫПУСКОВ Библиотеки „Крокодила“ ТЫ ПРИОБРЕЛ?

Девушка вытерла слезы, улыбнулась и зашагала, с гордой провожатых, во Вхутемас.

Толпа разошлась. На месте печального недоразумения остались двое: старый и молодой.

— Трудно им, провинциалам, без языка-то! — сказал молодой. — Не случись догадливый человек, — так бы ни с чем и уехала барышня!..

Старик почесал в затылке и согласился:

— Без языка невозможно. Вчерась ко мне подошел так-то один: «Игде, — говорит, — тут Государственное Политическое Управление?»

— Ишь ты!.. А ты что ж?

— Да что ж... Почем же мне знать: политграмоте я не обучался! Может, Совнарком ему нужен, а может, — ЦИК... Шут его разберет!

Молодой подумал, потоптался и сказал:

— А ведь это, пожалуй, он об Гепее тебя спрашивал... А?

— Може, и так, — согласился старый. — Поч я знаю? Говорь толком, по-человечески: «Игде, мол, тут Гепеу?».. А что — Государственное Политическое!.. Поди, разберись, что ему надоть!

Грамен.

МОЯ РЕФОРМА.

Около каждого кладбища на той самой улице, которая обязательно называется Расстанной, которую сплошь занимают лавки с крестами, плитами, мраморными ангелами, венками и прочим инвентарем Госцарнебесного,—на Расстанной улице обязательно есть хибарка с полуокном и вывеской:—«Живописец».

Сидит в ней дремучий человек, лохматый, не мытый, в очках и опорках, с запахом перегара и меланхолическим мирозерцающим... и он, этот-то живописец, и свел могильную плитку «па нет»... У него нет ни фантазии, ни слога, ни выдумки... ничего у него нет! И потому наши плиты так однообразны, так унылы так скучны!..

Сотрудничая в лучшем сатирическом журнале нашего времени, я решил ввести крутую реформу в плитку кладбища и дать несколько

образчиков настоящих, талантливых современных эпитафий.

В них можно заменить только имена и места службы,—остальное сойдет!

ЧЛЕНУ ЖИЛ-ТОВАРИЩЕСТВА.

Здесь под холодной плитой, с кубатурой в три метра, Жил-товарищ Петров успокоенный спит В сей излучищах нет ни морозов, ни ветра, Коммунальных услуг счет над ним не висит...

Жил-товарищ Петров! ты отныне в квартире!

Ты по ордеру въехал,—и плюешь на домком!

Так покойся, счастливее, во сладном мире...

А когда мы сойдемся, поделись уголком...

«ТОРГОВОМУ ДОМУ»

Покойтесь тут тело
Егора Лукича.

Свое имея дело,
Сгорел он, как свеча...
От профсоюзных кляуз,
Налогов и сует
В раз жизни Вестингауз
Скосил на склоне лет...
В том мире несть ни феклоки,
Налогов тяжких несть.—
Отлеживайте боки,
Покойтесь, ваша честь!!!

Группа слушавших Торгового Дома
«Нкутей, хомкутей и проч. счаст-
ных питей».

ОГОРЧЕННОМУ ДИАКОНУ.

Лежит зде Климов Ной,
Лишенный сана дьякон.
Отшедый в мир иной,
За не любил коньяк он
Улихся до зела
На В. Ц. У. в обиде,
Разнес он пол-села
И в горний мир отыде...

—Значит, утек Мидоль упорный,
Если нет его даже в уборной!..

ИЛЬИНЦУ-ЛУБЯНЦУ.

Лежит здесь спекулянт,
Служивший в нашем банке,
Лев Юльич Музыкант,
Старинный друг Лубянки.
Он много пострадал
В имении «Бутырки».—
Теперь же купцу снял
У Господа в квартирке...

СОВРАБОТНИКУ.

Иван Петрович Верблюдов
Сию удобрил ниву.
Он прожил 46 годов,
При том без перерыву.
17 стульев просидел,
7 гемороев нажил,
Был делопутом в Финотдел,
Теперь у бога зажил...
Он, отходя в отдел иной,
Просил жену родную:
— «Ты не забудь послать со мной
При теле накладную»...

АКТЕРУ.

Нашел себе ангажемент
Под сей плитой в куше райской
Сруль Моисейч Позумент
По сцене Лира—Задунайский.
Великий трагик наших дней,
Играя нервами ретиво,
Ушел со сцены в мир теней,
Свалившись в будку с конструк-
тива.

ПОЭТУ.

Под сим крестом лежит поэт...
Под пролетарской маркой
Считался оный в 20 лет
Советскою Петраркой.
Но как-то зимним вечерком
В одной из тьмы «Баварий»
Из барда вылез за пивком
Петрарка-пролетарий...
Бард опустел... И стибнит...
И вместо сех Петрарков
Здесь просто некий тип лежит
А-ля погромный Марков..

Евг. Симбирский.

Помог ли ты ВОЗДУШНОМУ ФЛОТУ?

Кто он?

На вид еще не старый,
От яств, питей одышна,
(Пудов двенадцать с тарой)
Скулит: «налоги—крышка»!

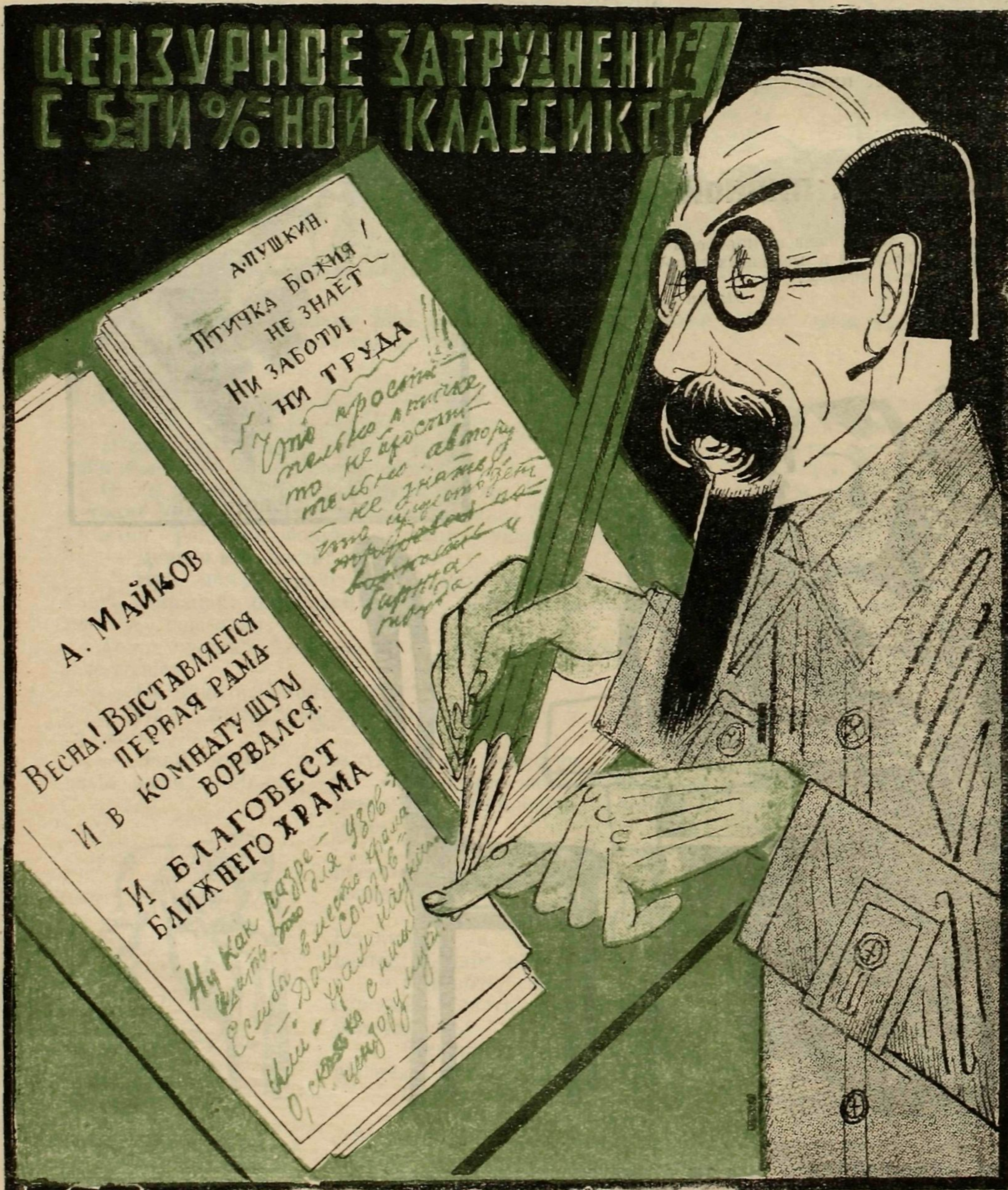
Длань жирная... караты...
(Влюблен в фунты, червонцы)
Во взгляде боль утраты
И... лысина, как солнце..

Весь лоск: жакет, манишка,
Но... мрачен (туча тучей).
Имеет он труднижку
Всегда. (На всякий случай).

Мих. Андреев.

Рис. Д. Мельникова.

Дружеские шаржи „Крокодила“.

Зав. Главлита — тов. Лебедев-Полянский.

НОВАЯ ЖИЗНЬ.

(Второй рассказ Леночки Ленточкиной).

Несмотря на первую неудачу, Леночка Ленточкина не оставила мысли сделаться пролетарской писательницей. После того, как ее первый рассказ «Красное утро» был аккуратно возвращен десятью редакциями, Леночка написала второй, который называется:

НОВАЯ ЖИЗНЬ.

Когда у Сознательнова, героя труда завода «Серп и Молот», родился сын, он сейчас же с восторгом решил окрестить его Октябрем. Жена только что встала после родов и колола лучину для самовара из иконы Николая-чудотворца. Она ласково потрепала мужа по его трудовой спине и сказала с мечтательным вздохом:

— Я думала, что это будет девочка — тогда бы мы назвали ее «Коммуной»!

— Или Октябриной! — весело подхватил Сознательнов. — Но не огорчайся, — смотри, у нашего малыша уже сейчас заметны мозоли на руках. Завтра же мы устроим коммунистические крестины. Я уже сговорился с райкомом. Будет докладчик и комсомольский оркестр. А теперь прощай, мне нужно без семи минут восемь быть на заседании ячейки Лиги Времени. Чорт возьми, я боюсь, что уже опоздал!

— Долой матерщину и ругательства! — с нежным упреком сказала жена.

Но Сознательнов уже хлопнул дверью, накинул на плечи теплое новое пальто, полученное им по рабочему кредиту с рассрочкой на пять месяцев.

Оставшись одна, жена размечталась о новом быте. А в это время Николай-чудотворец весело потрескивал в самоварной трубе...

В дверь постучали. Это вернулась с собрания женотдела соседка, бойкая и стриженная Таня Пролетарова.

Она мигом расшалилась, как пионерка, и щеки ее горели, как красные маки.

— Что? — закричала она голосом звонким, как симфония заводских гудков. — Что? Ты здесь индивидуально ставишь самовар, когда ты знаешь, что для всего дома коллективно кипятится куб! Безобразия!

И, мигом раскрыв окно, она вылила кипящий самовар на голову какому-то голетому и жирному эппману.

Вдоволь посмеявшись, подружки принялись за чтение науки о труде.

А когда прошло еще полчаса, Таня потащила жену Сознательнова гулять.

— А как же мне быть с Октябрем?

— Оставь в яслях! Не зря же мы их организовывали!

На улице возле самого дома подружки встретили крестьянку-молочницу. Таня сейчас же связалась с ней и подарила две брошюрки о многополье и через полосу. Оказалось, что крестьянка несколько раз была на сельско-хозяйственной выставке и теперь организовала в деревне подписку на трактор. А когда проходили мимо магазина металлических изделий, она указала на большие сверкающие ножницы и сказала, смахнув слезинку:

— Вот чего нам не хватает!

Таня так расстрогалась, что тут же купила ножницы и, сунув их в петличку крестьянке, сказала:

— Мы завтра же приедем к вам устраивать смычку и привезем вам продукты своего производства.

— А я угощу вас молоком от Ярославки, прославленной т. Сосновским! — торжественно закончила крестьянка.

Но тут вдруг легкая грусть разом исказила лица трех женщин: за углом ударили к вечерне.

— Когда-же, наконец, уйдет из жизни этот дурман? — с ненавистью сказала жена Сознательнова и сжала кулаки.

— Религия — опиум для народа! — вдохнула женщина-крестьянка. — Кто победит этот опиум?

И как бы в ответ сбоку запели буйные молодые голоса комсомольцев:

— Мы молодая гвардия Рабочих и крестьян!

Таня взглянула на часы и потащила Сознательнова домой: надо было на заседание жилтоварищества укротить последних изпачей, просочившихся в дом-коммуну. Она летела, как аэроплан Добролета, и подружка едва попевала за ней.

Но им суждено было еще раз задержаться. Приближаясь к дому, в окно заводской конторы Таня увидела спеца, который в десятый раз посылал курьершу по личным делам.

— Охрана труда, где ты? — громко крикнула Таня.

— Я здесь! — раздался звучный голос, и с этими словами Сознательнов (это был он) быстро влетел в контору и набросился на зарвавшегося спеца.

Час спустя, сидя за общим коллективным чаем, Таня с подружкой говорили о последней лекции Бухарина.

Сознательнов в это время обходил столы и собирал взносы в МОПР. Новая жизнь росла и ширилась.

А в это время в ресторанах, кафе и церквях доживала свои последние дни отрывка старого времени.

Е. Ленточкина.

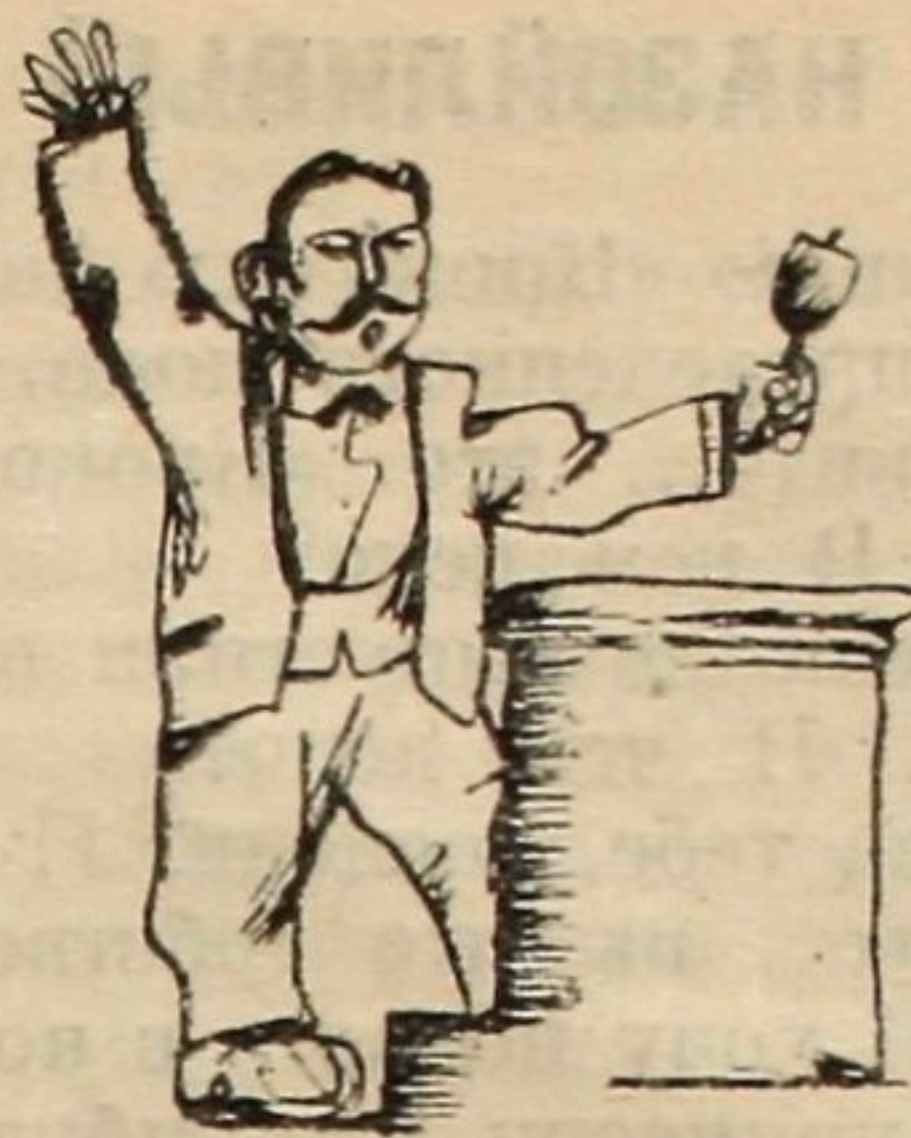
* * *

Для своего рассказа Леночка ухитрилась достать рекомендацию от весьма солидного и авторитетного лица. В рекомендации значилось:

— Тов. Ленточкина, моя секретная машинистка, упорно работает над пролетарской прозой. При умелом агитаторе — ее рассказы будут очень полезны. Считаю ее попутчицей.

Рассказ вместе с рекомендацией я нашел на столе редакции. И от рассказа, и от записки пахло пудрой и духами «Коти».

Вас. Лебедев.

А пока Мидоля искали и поперек и вдоль. — Говорил на кафедре речь тов. Мидоль...

ОВЦЫ И КОЗЛИЩА.

(Человеческие документы).

Дьячек И. Х. Воронцов поступил на службу в с. Феодосиевское (Котельнического уезда), по у тамошнего бати с попадью был уже свой кандидат на этот пост, а по сей причине Воронцов был ими встречен более, чем холодно.

Через некоторое время служения своего дьячек подал «Пресвященнейшему Павлу, епископу Вятскому и Слободскому» прошение, выдержки из которого мы здесь и приводим:

«... Священник со своей «благоверною матушкой 2 евангельскою Иродиной — отнеслись ко мне с самого моего прибытия весьма вызывающе, враждебно и ехидно...»

Батя привязывался и придирался, а «Иродиана» его устраивала такие турецкие зверства:

«... попадья, 2 на сем свете Иродиана, на клиросе визжала вместе с своим кандидатом на мою должность, вредила мне в пении, пела разное без нужды меняя тон.»

А место-то было благостное и благопопеществующее. Например:

«... Под святого пророка Илью — члены церковно-приходского совета стали разгружать с паперти приношения православных — баранину, мед, горох и пр., предназначенные для всех «членов причта»...»

По силе враг «рода человеческого». Внутлась Иродиана и...

«... со своими приспешниками на себе, обозом, как с пожара, переправила баранину, мед и всякую всячину — сырое и вареное — к «батюшке» в его домовую собственную контору — в погреб...»

Остался бедный псаломщик «на эфесе, ноги свеся»... А батя с «Иродиной» все прятали и прятали, дабы

«не увидели изобилия плодов земных любопытные коммунисты-большевики...»

Кровно обиделся служитель бога и «обложил» батю и «Иродиану» его:

«... Эх вы, лжецы, неправедники, жрецы Валаамовы...»

За что, естественно, был вписан в протокол и с места одного изгнан...

«... В тот же Ильин день я пошел, куда глаза глядят, и к вечеру нанялся у богатеньких мужиков в поденщики, жать рожь и овес из-за хлеба насущного...»

Заключая прошение, псаломщик просит архiereя:

«Покорнейше прошу, ваше преосвященство, исполнить вашу архипастырскую правду и распорядиться вытребовать от Феодосийского священника мою законную псаломническую долю из Ильинских приношений: баранины из 5 п. 15 ф. — 1 п. 31 1/2 ф. и часть меда, все это я пожертвую на больницы...»

Со врагами же своими, просит он поступить весьма не по-христиански.

«Но попа с его «благоверною» накажите так же, как святой пророк Илья наказал нечестивых жрецов Валаамовых в ветхом завете. Отправьте их на псаломническую или диаконскую вакансию в с. Чистое, Котельнического уезда, поближе к настоящим образцовым коммунистам и к исполному: тут некогда будет им пьянствовать, развратничать и блудить. А то они в Феодосийском, как в мутной воде, очень уж много ловят рыбки разной и живут, как у Христа за пазухой.»

Так живут и работают пастыри и псаломщики...

Е. Б.

НАМ НУЖНО
мнение наших читателей о журнале
„КРОКОДИЛ“.
Товарищи читатели!
Напишите нам срочно:
1) ЧТО НЕ НРАВИТСЯ в „КРОКОДИЛЕ“.
Чего не хватает в „Вилах в бок“ и „Страничке читателя“ и о чем надо больше в них писать?
2) ЧТО НРАВИТСЯ в „КРОКОДИЛЕ“.
Мнение о рисунках.
Мнение о рассказах.
Мнение о стихах.
Ответы направлять по адресу:
МОСКВА, Охотный ряд, редакция
„КРОКОДИЛА“.

НАЗОЙЛИВЫЙ ПОСЕТИТЕЛЬ.

В редакцию «Крокодил» вихрем влетело существо совершенно неопределенного пола, возраста, вида и состояния:

- Скажите... это «Крокодил»?
- Да. В чем дело?
- Вы еще не выпустили последний декабрьский номер?
- Нет. В чем дело?
- Слава тебе, господи! Я уж думал, что опоздал! Уф!
- А вы... вы что собственно хотите?
- Я? Я хочу попасть в номер, чудак вы этакий!
- Вы принесли что-нибудь?
- То-есть что?
- Ну, рукопись... Рассказ, стихи, рисунок?
- А зачем? Разве у вас нет художников и фельетонистов?
- Есть... Но ведь вы сказали, что хотите попасть в номер?
- Ну да! Ну да! Я за этим и пришел!
- Не понимаю. Объяснитесь.
- Чего же тут непонятного? Я, понимаете ли, собственной персоной хочу попасть в номер, в последний номер? Теперь поняли?
- Смутно... Вы кто собственно такой?
- Это не важно... Вы можете меня поместить в номер. Нарисовать, написать обо мне?
- А что именно?
- Я издаю глупейшие приказы длиной в полверсты! Я завел 555 комиссий по борьбе с бюрократизмом! Я сокращаю штаты до одного человека и выплачиваю ему 12575 часов сверхурочных ежедневно! Ну? Поместите?
- Видите ли... мы уже...
- Я снабжаю рабочие кооперативы пудрой и губной помадой! Я устанавливаю цены в десять раз дороже, чем у частных торговцев! Я гною товар в ожидании барышей! Я закупаю за границей то, что у нас можно купить втрое дешевле! Ну? Теперь поместите?
- Видите ли... Вы так много сразу наговорили...
- Что?... Много? Я посылаю в деревню книги из одних иностранных слов! Я ставлю на книгах такие цены, что их читать нельзя! Я заставляю деревню служить молебны об Октябрьской годовщине! Я открываю шантаны имени Коминтерна! Я пишу заметки в газетах, в которых сам черт ногу сломает! Я сажаю под арест всех, кто мне смеет возразить! Это еще что? Я скоро насильно омоложу всех лошадей и запишу их в лигу времени! Я введу налоги на плевки и на чиханье! Я буду издавать ветхий и новый завет! Вообще, проектов у меня тьма! Я... я... Да поместите вы меня, наконец, или нет?!
- Да кто вы такой?
- А разве это вам необходимо знать?
- Безусловно!
- А... так... какнибудь нельзя?
- Нет! Пока вы не назовете вашего имени, мы не можем...
- Ну хорошо! Только под секретом. Я—с о в д у р а к.
- Э-э... батенька. Так бы и сказали сразу. Не поместим!
- Почему? Какого же чорта я спешил?
- А это уж ваше дело. Только не поместим.
- Но почему же?
- А потому что результаты конкурса на совдурака будут опубликованы в 1924 году.
- Так, значит, мне пока можно оставаться совдураком?
- А это уж... ваше дело.

Венум.

БИБЛИОТЕКА „КРОКОДИЛА“

ВЫШЛИ В СВЕТ:

Демьян Бедный—„Собачья доля“. Демьян Бедный—„Что вам, то гоже, а с нас за что же?“. Демьян Бедный—„О Василии великом Литургисающем“. Рис. М. Черемных.

У заказа обращаться в редакцию контору „Рабочей Газеты“—
Москва, Октябрьный ряд, 7.

ВИЛЫ В БОК.

На фронте польки.

До сих пор были известны фронты — военный, хозяйственный, культурно-просветительный... Теперь мы узнали, что существует и танцевальный фронт. Пылкий сотрудник харбинской «Трибуны» шлет такую корреспонденцию с этого «фронта».

...«После спектакля—танцы. Тут уж полный триумф. Оркестр почти не переставая жаривает самую разогненную польку.

Дамы влеют в богатырских объятиях. Красные галифе летают из одного конца зала в другой. Женские сердца сдаются в плен целыми эскадронами. Глаза спасших дам влюбленно устремлены на пышные красные галифе.»

А вот куда устремлены глаза редактора газеты, помещающего такую сногшибательную корреспонденцию с фронта польки и кадрили?

Спите, орлы боевые.

Есть город Петровск. Имеется в нем союз Рабкомхоз. Заправила этого союза, как сообщают Крокодилу, отличаются особым талантом: они могут спать 25 часов в сутки! Феноменально, но факт. В виду такого исключительного дарования в Рабкомхозе произошел один случай:

«Назначается общее собрание. Вопросы боевые: проведение туберкулезного дня, создание рабочего клуба, культ-работа и т. п. Собрались, ждем. А заправил нет. Почему не открывают собрания?—спрашиваем. — Докладчиков нет! Прождали полтора—два часа. Наконец явился один. После доклада, рабочие стали ему вопросы задавать, а он... ответить ничего не может: не приготовился! Второй докладчик совсем не явился, — проспал.»

Спите, орлы боевые! Да только как бы вам не проснуться в... отставке от всех должностей.

Шкрабы и шкобары.

В селах и городах одними школами заведуют школьные работники, а другими—школьные... баре. Шкрабы и шкобары отличаются друг от друга тем, что первые заботятся о школе и учащихся, а вторые—исключительно о своей персоне. Из Баладжар Крокодилу пишут следующее о высокопросветительной деятельности местных шкобаров:

«Имеется у нас школа на 200 детей. Она запущена до безобразия. Всюду—грязь. Все поломано. Уроки лепни в классе исполняются часто отменяются из-за отсутствия воды. В школьном садике пасется скот и детям гулять негде. Учителя стараются бывать в школе пореже.»

Очевидно, они переутомились. Нельзя ли этим труженикам предоставить заслуженный отдых на даче в... Исправдоме?

Летошная кооперация.

Основная цель кооперации, как известно,—дать возможность потребителю сберечь трудовую копейку на любой покупке. Омские кооператоры понимают свою задачу гораздо шире: давая возможность человеку сберечь на покупке копейку, выуживают у него лятак! Делается это таким образом:

«При нашем кооперативе,—сообщает М. Федюков, омский житель,—имеется ресторан, а в нем... лето. купишь что-нибудь в кооперативе подешевле, чем у торговцев, съэкономил несколько миллионов, а потом соблазнишься и всю экономию продаешь в лето. Иной раз даже и... покупку...»

Заправила этого летошного кооператива можно порекомендовать еще одно доходное предприятие: открыть при кооперативе баню. Разденется человек, пойдет помыться в «горячую», а платишко его тем временем можно и... спереть. Доходная это статья будет, лето не уступит!

Медовые реки.

Многие удивляются обычным русским присказкам: я там был, мед-пиво пил, по усам текло, в рот не попало. Да как же это может быть? Очень просто. Поезжайте на склад №2 Балахно-сабунчинского района и увидите. Тов. Острый оттуда сообщает:

«Имеется на складе подрайона мед. Для какой цели его привезли—не знает даже заврайоном. Бочка рассохлась, мед течет и, верно, весь вытечет.»

А в рот рабочим не попадет. Вот и сбылась присказка!

Его превосходительство Иванов.

Встречаются и в наши дни гордые натуры, которые, занимая даже скромный пост, держатся так, словно у них на плечах жирные генеральские эполеты. Со ст. Омутинской сообщают, что ПД 13-го участка пути Иванов имеет «гордый характер»:

«С рабочими обращается заносчиво и важно. Орет на них, топчет ногами, ругается. Словом, держится по-генеральски. По утрам приказывает артельному старосте являться к нему с рапортом.»

Нельзя ли к нему явиться кому-нибудь другому с таким рапортом: «Ваше превосходительство, вы уволены без пенсии и мундира».

КОНКУРСУ НА СОВДУРАКА.

Изумительное открытие.

В скромном городе Воронеже—очень скромная Виржа Труда.

И более, чем скромные умственные способности у ее заведующего:

Однажды вечером он заметил ужасную картину, поразившую его до глубины души. Сотрудники «вверенного ему учреждения» Авдеева и Касьянова—купили у неизвестного ему торговца:

— Мороженое, булок и «что-то еще», чего он не сумел «от ужаса» рассмотреть.

Это дерзкое нарушение порядка так поразило «совдурака № 1», что на завтра он вывесил такой приказ, орфографию коего «Крокодил» сохраняет:

§ 3.

— Мною замечено, что сотрудники Авдеева и Касьянова 7-го сего июля в 5 час. вечера от неизвестного меня (?) посетителя принимали булочки и мороженое, а равно еще что-то завертке (?).

Находя такое явление *недопустимым, уничтожающим достоинство человека, а равно дискредитирующим Государственным* лица во главе стоящие этого учреждения, мною сего числа увольняются от занимаемых должностей, а вместо таковых назначаются... А, вот оно что-о.

— Ну, конечно,—новые лица, более пугатные автору приказа.

Как ни безграмотен этот изумительный приказ,—автор его несомненно заслуживает названия «совдурака».

Не всякий, ведь, способен на такое открытие, что—

— покупка мороженого дискредитирует власть.

Свирепый треппель.

В солнечном Симферополе произошла отрадная драма. Гражданин Треппель,—он-же Начоргчasti местного Подива 3, зашел в клуб Союза Коммунальников, поиграть в шашки.

Был он в штатском платье и так увлекся игрой, что несмотря на просьбы других желающих, шапек им не дал, да еще и

«грубо с ними обошелся», как гласит соответствующий документ.

Завклубом попросил штатского посетителя,—

Не выражаться и освободить шашки.—Знаем мы, дескать, как вы в шашки играете.

Свирепый «начорг» разобиделся и брякнул:

— «Завтра вы явитесь в мое учреждение с объяснением...»

Брякнувши глупость,—отступать было совестно. И на завтра Треппель официальной бумагой *потребовал* к себе «завклубом» для «дачи объяснений», а в газету дал заметку за подписью «Т», об оскорблении звания «дерзким завклубом».

Но ничто не помогло. Союз пожал плечами, бумажку бросил, а в газету дал объяснение, что:

— Военское звание под штатским платьем незаметно, а в грубости сам Треппель виноват. Окончательно освирепев, «Начорг» вторично закатил строгую бумагу—подать мне в мое учреждение обидчика.

Пришлось ему объяснить, что Союзный клуб «его учреждения» не подчинен.

Так на этот раз хоть один «совдурак» остался действительно—в дураках.

Заставь совдурака бога свергать.

Нашелся один такой в Казани. И от усердия—«лоб расшиб». Звали его Чюкяй и позволили ему писать в юмористическом журнале «Чаян»,—(Клеш)—орган ТЦИК, на антирелигиозные темы. Он поморщил лоб гармошкой и ахнул:

«Последняя опора бога».

«Вождь контр-революционеров—бог поставил свою последнюю ставку против Соввласти и начал посылать на нас вагонами болезни и маларрию»...

Нехорошо это, товарищ Дед—Коллегия «Чаяна».

Надо наплодить за «совдураками». А не поручать им,

«лбы расшибать», на потеху читателям.

Верх экономии.

Ехал мимо станции Нижнеудивска некий мирный гражданин А. Миняев. В поломанное окно вагона дуло, проводник был пьян, решили пассажиры исправить окошко сами. Пошли искать гвоздь.

Миняев взял да и выдернул маленький гвоздь из стены станции. Этого «расхищения» не смог вынести начальник ее совдурак Сероквашин и вломился от печего делать в амбицию.

— Взять его под сумленье. Он у меня всю станцию растащить хотел. Гвоздь выдернул.

Когда Сероквашина спросили,

— да на что вам ржавый гвоздик.—Он гордо ответил,—

— у меня каждый гвоздь на учете.

И велел составить протокол за то, что ему пригрозили «Крокодилом» и «конкурсом».

— А-а. Вы меня дураком назвали. Взять его. Взять...

За все вышеперечисленные заслуги,—«Крокодил» гостеприимно принимает гр. Сероквашина на свою страницу в качестве

— «совдурака по учету».

Редкая сообразительность.

Из Аму-Дарьинского Облотдела управления захотели уйти два сотрудника—Злотский и Васильев. Причину указали простую:

— «Получаем по 900 рублей, а еда стоит 2 тысячи. Или прибавьте жалованье, или отпустите с миром, работу найдем».

Юриисконсульт Белоногов прочел заявление и «двинул» резолюцию:

— «Направить в Обл. ГПУ для взятий на учет, как неблагонадежный и разлагающийся элемент».

А его доблестный коллега—Завотделом Зедин поставил вопрос на заседании Облнеполкома,

— об уходе служащих вследствие малых ставок и о борьбе с ними.

А. И.

«КУХОННЫЙ КРИТЕРИЙ».

Для определения достатка нетрудовых жильцов при назначении квартирной платы, одно домоуправление заявило, что будет ходить по кухням и заглядывать в горшки, что готовится на обед.

Преджылтов с управдомом ходили по кухням и заглядывали в горшки...

— Это что такое у вас?—спросил управдом в кухне одного непача, показав на чугуи.

— А это... куриная лапша...—сконфузилась непачиха.

— Куриная?.. Гм!.. Да!.. Эта птичка, небось, кусается теперь?..

— Да это нам из деревни прислали...

— Все равно.—Кто малосостоятелен, тот кушать такую роскошь не стал бы, а продал бы... Петр Иванович, тут все выяснено... Пойдемте в следующую квартиру...

Пошли к какому-то незарегистрированному безработному.

— Это что такое у вас?

— Щи...

— Гм... Жирку-то порядочно плавает... Небось, мяско-то первый сорт покупаете?

— Какое мяско...—возразила хозяйка.—Ведь они—постные!.. Это—подсолнечное масло... Не верите, так попробуйте.

— Петр Иванович, попробовать разве?..—обратился управдом к преджылтову и, не дожидаясь ответа, попробовал...—Да, действительно, постытина!—сипнул он.—А там что у вас?..

— Картошка жареная...

— На каком масле?..

— Да на том же подсолнечном. На русское денег не хватило...

— Позвольте, позвольте, а это что за жаркое?—заметил управдом еще одно кушанье.

— А это не наше, а жильцов...

— Тэ-эк-с—промычал он и, чтоб окончательно убедиться в малодостаточности квартирохозяев, спросил:—А по утрам вы что пьете: кофей или чай?..

— Кофе... Только не «по-настоящему», а так называемый «брандахлыст»... А чай нам не по средствам...

— Ну, хорошо... а жильцов сейчас нет? Так после допросим. Пойдемте, Петр Иванович...

В следующей квартире у какого-то биржевика они нашли не только шикарный обед, но и печто в бутылках.

— Что это такое?—задал управдом шаблонный вопрос.

— Выпивка...—паивно просто ответил хозяин.—Не хотите ли попробовать? Прошу.

— Да чего же пробовать... Ведь и так видно, что... Впрочем... Петр Иванович, разве попробовать?

— Гм, не мешает... Может, вино-то такое, что и говорить о нем не стоит...

— Нет, не скажите!—услыхав сие замечание, возразил биржевик и налил по рюмке.

...Домой вернулись оба в весьма «благодушном» настроении и решили составить особую «сетку» разрядов квартирной платы применительно к изготовляемым кушаньям.

Начиналась эта таблица так:

1-й разряд.—Щи постные. Каша гречневая с подсолнечным маслом.

2-й разряд.—Оное же меню, но каша с русским маслом.

И так дальше...

А кончалось так:

12-й разряд.—Суп претенбер или какой-либо другой франсе. Беф строганов пувель. Котлеты валяй. Осетрина американ. Мороженое. Фрукты.

Против каждого разряда стояла цифра квартирплаты.

В самом конце был 13-й разряд, гласивший:— «Оные же кушанья но с добавлением вина». Цифры против этого разряда не стояло, а вместо нее было написано: «По соглашению»...

Аргус.

Рис. Ив. Малютина.

«Работницы-избирательницы в полтавский Горсовет должны иметь соответствующие удостоверения мужей».

МУЖ:—Обед сегодня ни к чорту не годится: Щи несолёные, картошка пригорела... Одним словом,—лишаю тебя избирательных прав!

Прошло только четыре дня с того момента, когда мы сели за букварь и стали постигать эту удивительную премудрость. Один из нас уже безошибочно находил в книге буквы «а» и «о», как бы они ни были мелко напечатаны, другие хвастались, что уже умеют читать коротенькие слова, вроде «уж», «да» и «мы», а третьи до сих пор не могли отличить «р» от «у». Словом, по разному было.

И вдруг сегодня утром Григорий Заяц сел за стол, положил перед собой лист бумаги, взял в руки карандаш таким манером, как обыкновенно держат долото, и сделался до того серьезным, что аж страшно было на него смотреть.

— Ты что? — спросили мы.

— Письмо буду домой в деревню писать.

— Ах, чтоб тебя! Да ты ж еще безграмотный.

— Во-во! кое-что я уже знаю. Уже семь букв очень хорошо понимаю.

— Да разве семью буквами можно письмо написать?

— Дуривье! — синхронительно ответил он, — ежели которые всю азбуку знают, могут написать письмо в четыре страницы, так пускай я напишу одну страницу из семи букв.

— Погоди, — сказали мы, — какие буквы ты знаешь?

— А, Е, У, О, Д, Р, М.

— Маловато. А ну погоди, букву «с» ты знаешь?

— Не.

— Ну, а я знаю. Вот у нас уже восемь. Гриша, иди-ка сюда. Ты какие буквы умеешь писать?

— Я-то? Я только «т» и «г».

— Ну и отлично. Уже десять. Ты подожди, друг, писать, мы сейчас собираем народу, глядишь — и на всю азбуку хватит.

— Можно позвать кого-нибудь из грамотных, он все разом и напишет! — посоветовал простоватый Воробей.

Но мы ему разом рот заткнули:

— Подумаешь, какая радость! Грамотного позвать! А потом попросить ошибки выгравить и на машинке переписать.

— Нет уж, чтобы все свои, которые только учиться начали.

— Привел «б» и «в».

— А! Ну, подсаживайся...

— Еще двух ведут.

— Вы какие будете товарищи?

— Мы, значит, как Захар Пряников очень хорошо буквы «з» и «п» понимающие.

— Гож. А ты?

— А я «д» и «у».

— Отваливай, твоя ваканция уже занята.

— Да я еще «х» знаю.

— Чего же раньше молчал? Уже 15 букв готово. Может начнем. Что будешь писать?

— Первое на первое, — начало.

— Правильно. Начинай сначала.

— Я хочу написать «здрассте дорогие товарищи».

— Первая буква «з». Кто «з»?

— Мы! Позвольте карандаш. Так... Таааааа... Готово!

— А ты не брешешь, что это «з»?

— Ну вот.

— Дальше «д».

— Это я сам могу. Готово. Теперь что?

— А мы какое слово пишем?

— «Здрассте».

— «З» и «д» есть. Ну, теперь «р», а потом «а».

— Обе могу. Ого! А ты говоришь, что трудно. А теперь?

— Теперь «с». Это уж пусть я напишу. Эка рука дрожит. Винтовку держит не дрожит, а такой легенький карандаш и дрожит.

— А ты ее на стол положи.

— И то. Готово!

— Теперь за какого черед?

— Теперь «Здрассте». Нанесли з, д, р, а, с... Теперьча нужно «т». Ребята, которые «т»?

— А мы на что?

— Ну, приспособивайся!

— Сейчас мы «е». Так Палка. Пишино палка. Пишино палка. Так. Да, три палки. А теперьча их накрыть крышкой. Готово. Фу, аж вспотел!..

— Трудногая у тебя буква.

— А ты думаешь — это тебе перебежка? Не, брат, потрудися!

— Теперь черед за «е».

— Это опять я. Есть «е».

— Ура! Первое слово осилили!

Таким образом помаленечку мы написали и второе слово «дорог»... Но когда дошли до буквы «и», то вышел спотыкач. Букву «и» никто не знал...

— Как же быть? — смутились мы.

— Впору это слово зачеркнуть, и придумаем другое без «и».

— А знаете что? Ведь Васька Рыжов знает «и»!

— Да разве он скажет? Жадный черт!

— Дай ему табак у папиросу, скажет.

Васька долго помалелся, но потом, выкурив две папиросы, согласился и принисал «и».

Но уж за то, когда дошли в слове «товарищи» до буквы «щ», то оказалось, что эту букву из всех изучающих азбуку не знает никто.

— Эх, — застонал Заяц, — и на чем сорвалось-то! Видно, до завтра придется отложить. Пусть учитель завтра в первую голову «щ» объясняет.

— А может у грамотных спросим? Одну-то букву

— Ни за что! Держи характер! Шабаш! Продолжение завтра!

— Помни, ребята, завтра после урока все опять сходимь вместе.

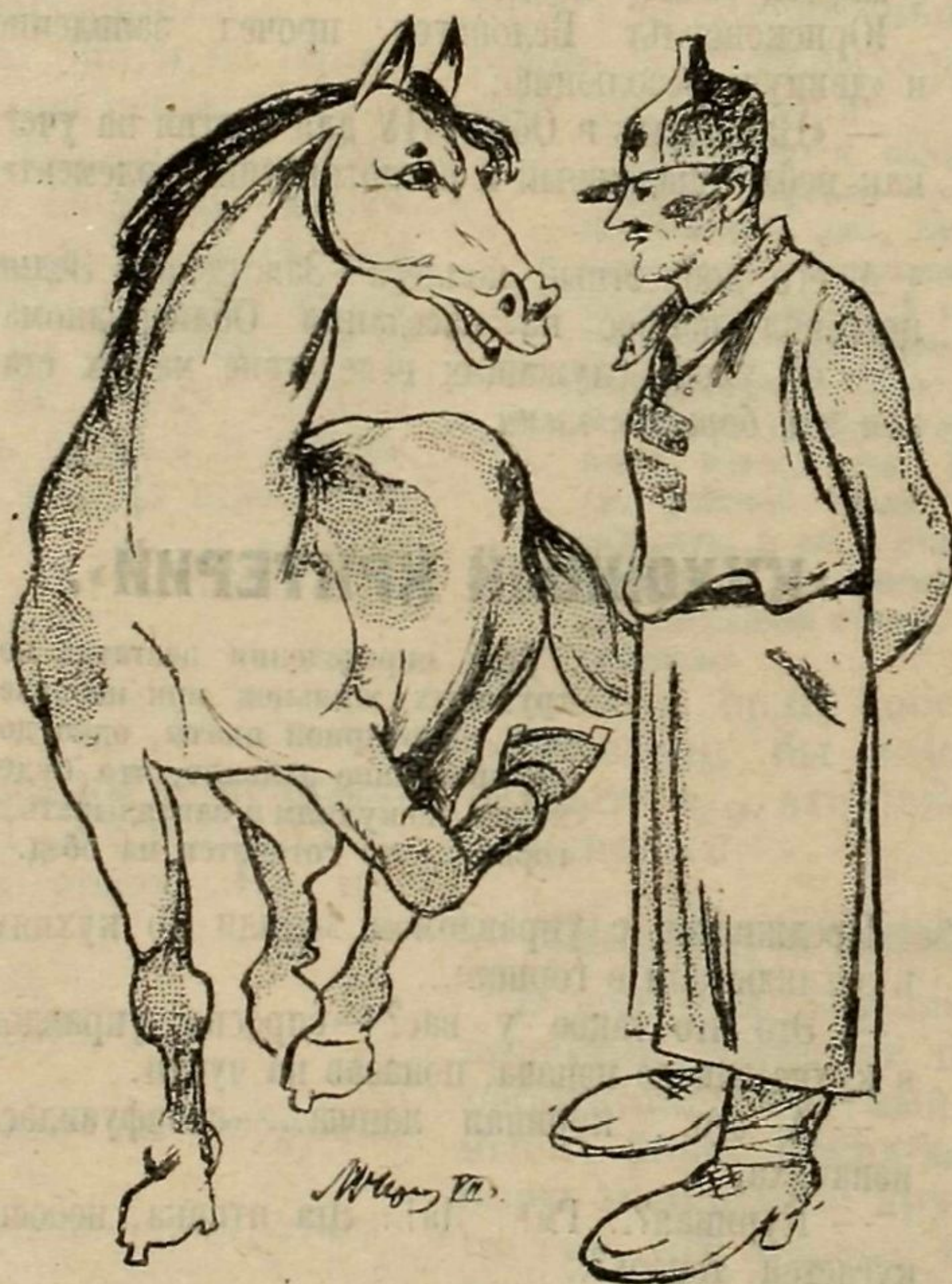
— Ладно уж, поддержим!

Г. Саф Дольский

ХОРОШЕЕ ОТНОШЕНИЕ К ЛОШАДЯМ

Рабоче-тюрки трудкоммуны им. Ленина приняли шефство над лошадьми роты связи одной из дивизий.

Рис. М. Черемных.

КРАСНОАРМЕЕЦ: — Мы никак ниного на шефство подковать не можем!

ЛОШАДЬ: — А нас шефы подковали.

ОТЕЦ ВАЛЮТЧИК.

*Аз, черей священный,
Егда пришла нужда,
Гряду с бумагой ценной
В Ильинский сквер тогда...
Там весел, яко солнце.
Превыспренне воплю:
— «А вот беру червонцы!
Доллары дам, куплю!»
От грама — толку мало...
Ленив весьма народ...
А с «капиче Ваала» —
Вельми большой доход...*

*Аз, сесь исполню жара,
Кричу на глас шестый:
— «Куплю заем, доллары!
Возьму и дам фунты!»
Не внемля прочих «лаю»,
Презрев завистных речь,
И попадью желаю
В помощницы привлечь:
Пусть свищет, яко чижик,
На пользу тут мою:
— «Куплю пятёрку, рыжик!
Дают! Дают! Дают!»*

Апостол Федор.

В СУХОМЯТКУ.

На 1-й фабрике Госзнак работает 7.000 рабочих, из них 2.000 молодежи питаются сухомятку.

Из газет.

В одно, прекрасное утро двадцать пять рабочих желудков заявили своим обладателям:

— Извините, товарищи, у нас катар!

На другой день еще пятьдесят восемь желудков заявили:

— У нас тоже катар!

Рабочие бросились к администрации фабрики:

— Войдите в наше селедочное положение — в наших желудках начинается обыкновенное явление: от сухой пищи расстроилось желудков целых две тыщи.

Администрация ответила:

— Можно! Надо только обсудить хорошенько.

Сказано-сделано.

Начались собрания, было вынесено несколько сот постановлений, принято несколько сот резолюций. Все неженатые, все холостые, вдовы и вдовицы единогласно говорили:

— В виду ежедневного расстройства желудков от сухой пищи, крайне необходимо ввести горячее питание, а по сему желательнее немедленно открыть столовую при Госзнаке, чтобы не переплачивать за колбасу с селедками.

Администрация сочувственно пожимала плечами:

— Да, конечно, столовая необходима, но откуда ее взять?

Первым вышел навстречу Нарпит. Войдя в положение, он решительно заявил:

— Столовая необходима, это — факт! Я даю все необходимое: котлы, тарелки, чашки, ложки, это тоже факт, но где взять помещение для столовой? В Москве совершенно нет для этого места. Если в Петрограде построить столовую для рабочих 1-й фабрики Госзнака — ходить им будет далеко. Пока идут обедать, захочется ужинать...

После этого многие задумались не на шутку. Сунутся в одно место — неудобно. Сунутся в другое место — нельзя. В третьем месте совсем не разрешают по «климатическим» условиям.

Говорят, что тут нужны героические усилия, простым смертным не решить этого вопроса. А так как герои рождаются по одному в двести лет, то нельзя ли Госзнаку в очереди родить такого героя, который мог бы спасти 2.000 рабочих желудков, расстроенных колбасой и селедками?

Свойский.

Мой адрес: Белоруссия, г. Слуцк, Минской обл., Коммунистическая, № 6.

На Ваше письмо от 2 VIII—23 г. Дагком Р.К.П. (б) сообщает, что:

1. Климат Дагестана умеренный.
2. Лето продолжается 8 мес., зима — 4 м-ца.
3. Часто бывают дожди зимой. Жара умеренная. Морозы бывают от 5 до 8 градусов.
4. Имеется 36 наречий. Население — горцы.
5. Как в мирное время, так и теперь Дагестан пользуется привозными продуктами.
6. Есть жел. дороги, которые находятся в среднем состоянии.
7. Одежда и обувь находится в достаточном количестве.
8. Квартирный кризис имеется.
9. Предметы первой необходимости имеются, так что трудно указать что Вам необходимо взять.
10. Товаро-обмен с кооперациями и большинство апилируют НЕПМАНЫ.
11. Имеются в среднем, количестве.
12. Отношение туземцев в пришлому элементу — хорошее.

С подлинным верно: подпись.

Г. Слуцк, 2 VIII—23 г.

Гостеприимный зав.

Дорогой Крокодилушка!

У нас в Подольских краях в Губцентре Виннице все широкот навыворот. У нас и политпросветработники какие-то особенные.

В Центральном рабочем клубе занимается кружок по подготовке рабкоров.

Приехали в Винницу на отдых друзья Завгубполитпросветом гр-на Зайцева и сейчас же к нему: «ты, мол,

начальник «зав», дай нам квартиру».

Последний предписал очистить комнату кружка рабкоров и предоставить ее в распоряжение приезжих.

Начались мытарства кружка: одну лекцию руководитель провел на лестнице (чуть ли не на дворе), на следующую лекцию пошли проситься в клуб «Робоса», на третью — кружок впустили в клуб «Печатник», а дальше пришлось дать объявление в местной газете, что «газетный кружок» приостановил занятия, в скобках (нет помещения).

Член газетного кружка.

Многоликий областлит.

В Чувашобласти тоже существует Областлит. Но здесь он очень многоликий и распоряжения одного лица аккуратнейшим образом ликвидируются другим.

Обпотребсоюз Чувашобласти вздумал напечатать брошюру: «в помощь кооператору о налогах и сборах». Один из «ликов» Областлита т. Ванерке выдал разрешение на печатание этой брошюры за № 79, написав разрешение на самой рукописи.

Это показалось мало другому «лику» — Читнаеву. Он на этой же злосчастной рукописи пишет фактору типографии Байбаршеву:

«Несмотря на ряд предупреждений о предоставлении разрешительную карточку, для сверки, Вами до сего времени все же продолжается, и тем самым нарушаете существующие распоряжения по печати, а потому ставлю на вид раз навсегда, что впредь за малейшее отступление будете ответственны Вы.

П. К. Читнаев. 23 XI 23 г. Как это грозно, как безграмотно, да еще и не по адресу. Откуда же т. Байбаршеву взять карточку, когда он ее не видел и в глаза, так как разрешение было написано просто на рукописи.

Пэлли.

ТЫ

послал свой взнос на аэроплан „КРОКОДИЛ“?

МОСКВА.

Чернову. Частушки, скучны. Не пойдут.

Т-ву. Пишите проще и поштнее. Арсу. О театре «Крокодила» Крокодилы подумывают, но... скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается.

ПРОВИНЦИЯ.

Одесса — Грому. Пришлите материал.

Белгород — Курскому.

«Возьмите наш водопровод. Он чуть ли уже не издох. Плату закатил нам востро, А вместо воды пьем ханжу». Только под влиянием ханжи и можно писать такие стихи.

Щидринск — Курепе, Омек — Яропову, Новосмоленский рудник — Фетисову, Самара — Киварскому — не пойдут.

Петроград — Тюновскому

Приближайтесь к пушкам ближе. Французу дайте вы отбой. Скорей окопы ройте ниже. Гоните с Рура их войной...

Передам в Редиздат для включения в Полевой Устав РККА. Городище — Барскому. Пишите короче и ударнее.

Екатеринослав — Линову. О высокой политике ни к чему. Штрезема уже нет, Да и о Марксе вряд ли стоит писать из Екатеринослава. Пока письмо дойдет, новая смена кабинета будет.

Ярцево — Н. П. Пишите о местной жизни.

Г. Середина-Буда — Цынунову. «Я думаю, что объявленный на конкурс «Совдурак» взят от сокращения целого предложения: «Социалистическая организация, ведущая дело удешевления революции армиями капитализма»...

Умница! А вам не кажется, что слово «стол» есть сокращение предложения: «совет тыловых ополченцев Латвии»?

Екатеринослав — Ястребу. «Он довольно мужественно выглядывает в своем френче и серые галифе». Писатель Юшкевич писал еще лучше: «он поглядил бороду лопатой».

Тула — Вл. Нуприну.

«Вы увидели б Микишку, Агриппину и Ирину, Петьку, Мишку и Порфишку, И Елену, и Полину, И Аркадия, и Тришку... и т. п. Святцев не составляем. Передадим для использования Госиздату».

Редактор А. Коллегия.

Издание «Рабочей Газеты».

МОСКВА, Охотный ряд.

КРОКОДИЛ

Игра „в свои козыри“.

Защищая Махно, польские адвокаты указывали, что Махно нужен правительству на случай войны с СССР: «Мы лишимся такого козыря, как Савинков; пусть останется хоть Махно».

Рис. Ив. Мамютина.

Польша открыла свои карты.